

ДРАКОН, КОТОРОМУ ВЕРНУЛИ ЧУЖУЮ ЖЕНУ

Александр Витальев

18+

Александр Витальев

**Дракон, которому
вернули чужую жену**

«Автор»

2026

Витальев А.

Дракон, которому вернули чужую жену / А. Витальев —
«Автор», 2026

Три года назад Вельт, лорд-дракон, сам прогнал меня из родового дома перед советом, заменив на выгодную невесту из соседнего клана. Я ушла молча, забрала только свой лекарский сундук и открыла травническую лавку в чужом городе, где никто не знает моего лица. Спокойная жизнь, свои деньги, своя кровать, ничьей крови на руках — я почти поверила, что выживу. А потом мой брат проиграл мою сестру в карты драконьему роду, и метка крови, которую Вельт когда-то поставил мне как жене, выжгла мне плечо и притащила меня обратно в замок залогом. Он стоит напротив, смотрит так, будто я испортила ему утро, и не понимает, что теперь я не его бывшая. Я — чужая жена, которую ему вернули против воли обоих, и я буду работать в его лечебнице, чтобы выкупить долг сестры поштучно, если придется. Вопрос только в том, успеет ли он сломать себе право командовать мной прежде, чем я снова уйду.

© Витальев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо на столе	5
Глава 2. Печать на ладони	12
Глава 3. Чужие духи	21
Глава 4. Общий обед	27
Глава 5. Разговор после совета	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Витальев

Дракон, которому вернули чужую жену

Глава 1. Письмо на столе

Свечной огарок догорал возле стопки писем, и я в третий раз перечитывала строчку, написанную незнакомым мне каллиграфом. Имя моего брата стояло под долговой распиской, дата была свежей, а сумма такой, что у меня похолодели кончики пальцев. Я положила письмо обратно на стопку, придавив уголок чернильницей, чтобы ветер из приоткрытого окна не смахнул его на пол.

Лавка была моей. Три комнаты в каменном низком доме, зажатом между пекарней и лавкой старьевщика. Я варила тут микстуры от кашля, делала примочки от ожогов и знала по имени каждую склянку на полке за стойкой. В подвале сушились пучки мяты и шалфея, под потолком висели связки чеснока, на крюке у двери качался мой рабочий фартук, прожженный в трех местах. Это было выстроено мной, оплачено мной, собрано по одной щепотке.

Я пересчитала монеты в ящике стола. Двенадцать серебряных, три медных. На месяц аренды и корм коту. Ни на что больше. Пальцы мои, привыкшие держать ступку и кисточку, дрожали. Я прижала их к прохладному камню столешницы, чтобы унять дрожь.

В дверь постучали. Стук был тяжелым, властным, не соседка и не мальчишка-посыльный. Стук был такой, каким стучат, когда уверены, что им откроют.

Я не ответила. Стук повторился, громче.

Я поднялась, запахнула фартук, подошла к двери и отодвинула засов. На пороге стоял человек в сером дорожном плаще с откинутым на спину капюшоном. Его лицо я узнала бы из тысячи. Вельт. Тот самый дракон, который три года назад отказался от меня перед всем родом, а потом не прислал даже записки.

Он смотрел на меня сверху вниз, и взгляд его был таким, словно я испортила ему утро.

— Ты получила письмо, — сказал он. Не спросил, констатировал.

— Получила, — ответила я. — Что-то еще?

— Твоя сестра, — сказал он, и голос его скрипнул, как несмазанный замок. — Ты знаешь, что твой брат сделал.

Я знала. Брат проиграл Мирру в долговую игру, и теперь моя младшая сестра должна была стать женой чужого сына в чужом роду. Если только кто-то не предложит залог вместо нее. Если только метка на моем плече, оставшаяся от брака с Вельтом, не пойдет в уплату чужого долга.

Вельт шагнул через порог без приглашения. Я отступила на шаг, не желая, чтобы он заполнил собой всю мою лавку, мою жизнь, мое пространство. Он остановился посреди комнаты и огляделся так, словно впервые увидел, как я жила эти три года.

— Решение принято, — сказал он. — Ты возвращаешься.

Метка на левом плече вспыхнула так, словно кто-то плеснул на нее кипятком. Я стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть, и прижала ладонь к горящему месту, чувствуя, как кожа под тонкой тканью рубашки пульсирует в такт сердцу. Метка молчала три года, а теперь ожила. Я поняла: обратно ее уже не заглушить.

Я посмотрела ему в глаза и сказала тихо, ровно, без злости, без просьбы:

— Я не вернусь к тебе как жена.

Он не шевельнулся. Я не отвела взгляда. В голове стучала одна мысль: у меня есть кот, лавка, ученик, и я не отдам ни одного дня своей жизни бесплатно. Если он хочет забрать меня

как залог — пусть платит. Если хочет, чтобы я лечила его род — пусть уступит мне место в лечебнице. Если хочет, чтобы я молчала — пусть сначала ответит за Мирру.

Я протянула руку к чернильнице, сняла груз с письма и положила его перед ним на стойку. Долговая расписка. Подпись моего брата. Печать рода Вельта на полях. Он не сможет сделать вид, что ничего не знал.

— Условия, — сказала я. — Я скажу их совету твоего рода. В письменном виде. С печатью старейшины.

Вельт смотрел на меня, и впервые за три года в его глазах мелькнуло что-то, кроме раздражения. Не нежность. Узнавание. Будто он впервые увидел женщину, а не вещь, которую когда-то выбросил.

Он не ответил. Наклонил голову, развернулся и вышел, не оглядываясь. Дверь осталась открытой, и в нее потянуло холодом с улицы. Метка на плече горела по-прежнему, и я знала: эта боль не уйдет, пока я не сяду за стол и не напишу свои условия сама.

Я села за стойку, достала чистый лист и принялась писать. Почерк у меня всегда был мелкий и ровный, выработанный на рецептах, и рука шла по бумаге привычно, словно я снова составляла сбор от лихорадки для соседского мальчишки. Первым пунктом стояло место в лечебнице рода Вельта. Вторым — отдельный счет за каждую оказанную помощь, по рыночной цене, без скидки за былую фамилию. Третьим — право выходить за пределы лечебницы и кладовой без сопровождения, но и без хозяйского приказа. Четвертым — ни одного дня бесплатно.

Я перечитала написанное. Слишком сухо, слишком по делу, слишком похоже на контракт, а не на мольбу. Так я и хотела.

За окном скрипнула телега. К двери подходил мой ученик Тимо, лет двенадцати, в замызганной куртке и с корзиной, в которой позвякивали склянки. Он замер на пороге, увидев открытую дверь, и лицо его стало таким, будто он увидел покойника.

— Госпожа, — сказал он. — Тут... тут был лорд.

— Был, — ответила я. — Поставь корзину и иди в подвал, проверь, как сохнет шалфей. Если найдешь серый налет, выброси весь пучок.

Он поставил корзину на лавку, но не ушел. Стоял, мямля шапку и смотрел на меня так, словно я должна была объяснить ему, что происходит в мире, где бывший муж заявляется в лавку и требует жену обратно. Я не стала объяснять.

— Иди, — повторила я.

Он ушел. Я осталась сидеть над листом. Плечо пульсировало в ритме сердца, и я знала: эта пульсация не стихнет, пока я не окажусь за стенами замка Вельта. Туда, где метка была зачата, и туда, где она теперь меня тянула, как тянет чужая кровь свою сестру по венам.

В боковом ящике стола лежал кожаный мешочек с лекарскими монетами. Я вытряхнула их на ладонь, пересчитала заново. Двенадцать серебряных, три медных. На дорогу до замка, если нанимать подвод, уйдет четыре. На хозяйские расходы, если я буду есть с прислугой лечебницы, уйдет еще шесть. Останется пять серебряных и три медных. Мой запас на первые недели в чужом доме. Не много, но достаточно, чтобы не просить.

Я ссыпала монеты обратно, затянула шнурок и спрятала мешочек в нагрудный карман фартука. Потом сняла фартук с крюка, свернула, положила рядом с листом. Собрала в кожаный саквояж три ступки, набор кистей, моток марли, пучок сухой мяты и жестяную коробку с собственноручно собранными пилюлями от кашля. Это было мое оружие. Лекарский сундук ехал со мной, а не пустой чемодан жены, которую возвращают.

Кот вылез из-под лавки и уставился на меня круглыми желтыми глазами. Я присела, почесала его за ухом, и он заурчал, как маленький хитрый мотор.

— Тебя я не возьму, — сказала я ему. — Соседка заглянет вечером, отдашь ей ключ. Не скучай.

Кот мявкнул и терся о мою ладонь. Я на секунду закрыла глаза. Потом встала, подхватила саквояж, сунула исписанный лист в боковой карман, накинула дорожный плащ и вышла из лавки, не оглядываясь. Дверь осталась открытой, и в нее потянуло холодом. Плечо горело по-прежнему, и я знала: эта дорога ведет не к возвращению, а к уплате чужого долга моими руками. И я решила, что каждая монета, каждый час, каждое движение моих пальцев над чьей-то раной будет стоить роду Вельта настоящей цены, а не той, что была выбита в долговой расписке моего брата.

До замка Вельта от моей лавки было два дня пути. Я знала этот тракт, знала каждую выбоину, потому что когда-то шла по нему в обратную сторону, в одном платье, без копейки, и думала, что хуже уже не будет. Я ошибалась.

На первом перекрестке меня обогнал всадник в плаще с серой вышивкой. Метка на плече дернулась так, что я зашипела сквозь зубы. Лошадь шарахнулась от обочины, всадник выругался, придержал поводья и вдруг обернулся. Я узнала его. Бранн, капитан замковой стражи. Он не поздоровался, только смерил меня взглядом, в котором смешались узнавание и досада, и поехал дальше. Не остановился. Значит, знал, куда я иду, и не хотел это обсуждать при свидетелях.

Я перехватила саквояж поудобнее и шагнула вперед.

К вечеру первого дня я добралась до постоялого двора, где пахло прогорклым маслом и мокрой псиной. Хозяйка приняла монету и даже не спросила имени. Я сняла плащ, повесила сушиться, достала из сумки жестянку с пилюлями и сразу разложила их на столе по размеру, чтобы занять руки. Плечо пульсировало, в комнате было холодно. Я вспомнила, что когда-то в этом замке у меня была собственная спальня с камином, а теперь — общая лежанка и запах чужого ужина.

Я слотнула горькую слюну, съела половину краюхи хлеба и легла, не раздеваясь. Саквояж положила под голову. Если кто-то решит проверить, что я везу, пусть попробует отнять.

Утром второго дня тракт стал хуже. Колею размыло дождем, я шла по обочине, обходя лужи. На плече уже не пульсировало, а горело ровным жаром, как будто кто-то прижал к коже раскаленный пятак. Я знала эту боль. Так метка давала о себе знать, когда я пересекала границу замковых земель. Только в прошлый раз я шла к свадьбе, а сейчас шла как заложница, которую вернули на чужом поводке.

К полудню из-за поворота показались стены. Серый камень, башни с узкими бойницами, знамя с крылом на шпиле. Я остановилась, достала из кармана исписанный лист, перечитала еще раз. Место в лечебнице. Счет за каждую помощь. Право выходить без приказа, но без сопровождения. Ни одного дня бесплатно. Почерк был ровный, мелкий, мой. Не его.

Я сложила лист, убрала обратно и пошла к воротам.

У ворот стоял знакомый стражник. Он увидел меня и вытаращил глаза.

— Госпожа Нерис, — выдавил он.

— Залог рода Вельта, — поправила я. — Веди к кому положено.

Он моргнул, крикнул и пошел впереди, оглядываясь, как будто боялся, что я растворюсь в воздухе. Я не растворялась. Я шла за ним, считала повороты и коридоры, и каждый шаг отдавался в плече горячей волной. Дом встретил меня запахом камня, дыма и железа. Тем самым, который я ненавидела три года и по которому, как выяснилось, успела соскучиться.

В большом дворе меня ждали. Не Вельт. Торвен, дядя, хранитель печати, в своем неизменном темном кафтане, с лицом, на котором было написано торжественное неудовольствие. Рядом стоял Ранн, управляющий, переминаясь с ноги на ногу и теребя край камзола. За их спинами, у самой лестницы, замерла Лисса в шелковом платье, слишком нарядном для полудня, с корзиной в руках. Она смотрела на меня так, словно уже примеряла на палец мое обручальное кольцо.

— Нерис, — сказал Торвен. — Добро пожаловать домой.

Я остановилась в трех шагах от него, поставила саквояж на каменные плиты и выпрямилась.

— У меня нет дома, — ответила я. — У меня есть лечебница, в которой я буду работать, и долг моего брата, который я буду закрывать. Совет соберется сегодня?

Торвен поджал губы. Ранн открыл рот и закрыл. Лисса сделала шаг вперед, корзина в ее руках качнулась.

— Я принесла вам фрукты, — пропела она. — С дороги, вы наверняка устали.

Я не посмотрела на корзину. Посмотрела на Торвена и повторила:

— Совет соберется сегодня?

Тишина в каменном дворе стояла такая, что я слышала, как ворона уселась на водосточную трубу. Потом Ранн кашлянул и выдавил:

— С вашего позволения, господин старейшина, совет назначен на вечер, в зале родовой печати.

— В зале, — кивнула я. — Я буду готова.

Я подняла саквояж, обошла Торвена и Лиссу по дуге и пошла к лечебному крылу, которое помнила на ощупь. У двери кладовой стояла Ольда, моя бывшая наставница, маленькая, седая, в застиранном переднике. Она не сказала ни слова, только отперла замок и придержала дверь. В ее глазах я впервые за три года увидела не страх, а облегчение. Я шагнула внутрь, и знакомый запах сухих трав ударил в нос так, что у меня зашипало в горле. Метка на плече на секунду стихла и тут же вспыхнула снова, но уже не болью, а странным, тянущим теплом. Как будто дом наконец понял, что я вернулась, и теперь не отпустит.

Я поставила саквояж на пол, повернулась к Ольде и сказала ровно, тихо, чтобы слышала только она:

— Найди мне реестр. И ключ от второй кладовой. У нас много работы.

Кладовая пахла так, как я запомнила, и так, как я боялась, что запомнила. Пылью, прелой ромашкой, подгоревшей на сушилке мятой, сладковатой гнилью ландышевого корня и тем каменным холодом, который стоит в подвалах, где никто не топтал пола зимой. Я поставила саквояж на лавку, стянула перчатки и провела ладонью по ближайшему мешку. Верхний слой травы был серый, сухой и рассыпался в труху, а внутри, если разрыть пальцами, лежала мокрая чернота.

Метка на плече отозвалась коротким уколом, словно признала мою руку и отметила, что я вернулась к своему делу.

Ольда стояла у дверного косяка, прижимая к груди связку ключей. Она не плакала, но нижняя губа у нее мелко дрожала, и я отвела взгляд, чтобы не видеть этого. Я знала, что она подписала ту ложную опись три года назад. Знала, что без нее совет не выкинул бы меня так чисто. Но она была единственным человеком в этом доме, который умел отличить белую чешую от зеленой и не перепутать кору с корнем.

— Реестр, — повторила я. — Ключ от второй кладовой.

Она кивнула и ушла. Я слышала, как за стеной звякнула связка, как скрипнула половица, как где-то наверху хлопнула дверь во двор. Замок жил, замок меня услышал.

Я стянула с полки первую коробку, сдула с крышки пыль и открыла. Внутри лежали банки с прошлогодней настойкой, и пробки на трех из них были сбиты. Я понюхала одну, сморщилась. Спирт выдохся, трава закисло, половина содержимого превратилась в мутный уксус. Ученики пили, поняла я. Или не ученики, а кто понаглее. Я перевернула банку над тазом, вылила остатки и поставила пустую отдельно.

Ольда вернулась быстро. Она принесла толстую книгу в кожаном переплете и тяжелый ключ с привязанной к нему биркой, на которой кто-то нацарапал мелом «двойка». Я взяла ключ, повертела в пальцах. Метка коротко кольнула, словно одобрила.

— Открой, — сказала я.

Она пошла вперед, я за ней. Вторая кладовая была дальше по коридору, за поворотом, и там, где я помнила аккуратные связки сухих трав, висели голые крюки. На полу валялись обрывки бечевки и чей-то забытый глиняный черепок с засохшей мазью. Я перешагнула черепок и подняла с пола одну из бирок. На ней чьим-то кривым почерком было выведено: «списано, Т.»

Торвен, поняла я. Он списывал лечебное имущество, чтобы оплачивать проценты по чужим долгам. Я сунула бирку в карман и обернулась к Ольде.

— Сколько мешков на учете?

Она моргнула, привыкая, что с ней снова говорят по делу, а не по имени.

— Сорок два, госпожа. Было сорок два.

— А сейчас?

Она обвела взглядом пустые крюки и честно ответила:

— Девятнадцать. Может, двадцать, я не все мешки трогала. Не велено.

Я кивнула. Двадцать мешков, часть из которых подмокла, часть перепутана, часть списана задним числом. Прекрасное наследство. Я положила ладонь на стеллаж, почувствовала под пальцами шершавое дерево и шершавый камень за ним. Этот дом снова пытался решить за меня, кто я. Залог, гостья, бывшая, бедная родственница, милостыня. Я пошевелила плечом, и метка отозвалась тянущим теплом, но теперь уже не болью.

Перо скрипнуло по пергаменту, и я впервые за день почувствовала, что дышу ровно. Буква ложилась за буквой, реестр под рукой переставал быть мусором и становился работой. Олда принесла чернильницу, плоскую деревянную коробку с четырьмя перьями и моток бечевки, на котором болталась бирка с чужой, стертой надписью. Сургуча не нашлось, и она виновато развела руками, словно это была ее личная вина.

— Возьми у кухарки свиное сало, — сказала я, — перетопи в медной плошке, смешай с толченой канифолью. Это будет наш сургуч, пока старейшина не вспомнит, что в замке вообще-то есть печать. И не кланяйся. Я тебя не за этим позвала.

Она кивнула, выпрямилась и ушла быстрее, чем обычно ходят служанки в этом крыле. В коридоре я услышала, как она споткнулась о порог, и это был хороший знак: значит, торопилась, а не пряталась по углам.

Я работала.

Третий мешок оказался помечен как «кора дуба», а внутри лежала перемолотая в труху ива, кислая, с белым налетом. Под нею, переложенная промасленной бумагой, стояла банка с подсохшей мазью, на которой чьим-то детским почерком было выведено: «от чирьев, ученику А.» Я перевернула банку, понюхала. Состав был почти правильный, только воска не доложили, и мазь свернулась. Аккуратный, неумелый почерк. Кто-то из подмастерьев пробовал работать сам.

Я поставила банку к себе, к тем трем, что были спасены. Их набралось пока шесть. Сорок две позиции в реестре, двадцать мешков на крюках, шесть банок в работе, остальное — списки, долги и чужая ложь. Я работала и считала. Метка на плече сидела тихо, как кот на коленях, и я впервые за день не чувствовала ее как клеймо. Она была просто шрамом, который болел, когда я уставала.

Скрипнула дверь.

Я не подняла голову. Скрип был тяжелый, мужской, и шаг за порогом был один, не торопливый, но и не осторожный. Хозяин дома не стучит в собственную кладовую.

Вельт остановился у стеллажа, не доходя до меня два шага. Я почувствовала это расстояние кожей, как чувствуют край стола в темноте. От него пахло холодным железом, мокрой кожей наручей и тем особенным дымом, который остается на волосах после тренировочного зала. Три года назад я узнавала этот запах раньше, чем слышала шаги. Сейчас я заставила себя не поднимать глаз.

— Список, — сказала я, не поворачиваясь. — Сорок два мешка на учете, девятнадцать на крюках. Восемь из них подменили, четыре сгнили, два помечены «списано» с твоей печатью. Торвен кормил проценты по чужим долгам моей лечебницей. Я буду разговаривать об этом на совете, и мне все равно, кто из вас двоих это придумал.

Молчание. Потом он сказал:

— Кто тебя впустил сюда.

Не «зачем», не «как ты посмела». Кто впустил. Я отложила перо, подняла голову и впервые за день посмотрела ему в лицо. Он стоял у стены, плечом к стеллажу, и свет от масляной лампы падал ему на скулу и на шрам у виска, которого я не помнила. Левая рука висела плетью, перевязанная мокрой тряпкой, на которой уже проступило бурое.

— Ольда, — сказала я. — Она здесь работает двенадцать лет.

Он чуть прищурился. Я кивнула на его руку.

— Сядь. Я перевяжу, раз уж пришел.

Он не сел. Сделал шаг к лавке, остановился и впервые за разговор посмотрел на меня не как на вещь, которую поставили не на место, а как на человека, который сидит в его кладовой с чужими списками и решает за него.

— У тебя нет права, — сказал он тихо, — трогать печать старейшины.

— У меня нет права, — согласилась я. — У Ольды нет права. У сургуча в этом доме нет права. Поэтому я перетоплю сало и сделаю свою печать, пока ваши не вернутся в эту кладовую. А сейчас сядь, Вельт, у тебя кровь капает на пол, и я только что его вымыла.

Он сел. Молча, тяжело, как садятся мужчины, которые привыкли, что их слушаются с первого слова, и вдруг обнаружили, что первое слово произнес не он. Я стянула с полки чистую тряпицу, обмакнула в таз с остатками травяного отвара и впервые за три года взяла его руку в свои.

Метка на моем плече вспыхнула так, что я стиснула зубы.

На его запястье, там, где я помнила тонкую линию свадебного шрама, кожа горела тем же огнем. Я увидела это мельком, потому что смотрела на рану, а не на него, и потому что он успел отвести рукав раньше, чем я подняла глаза. Но я заметила. И он заметил, что я заметила.

Мы оба молчали.

Я промыла рану, перетянула чистой повязкой, затянула узел зубами. Его пальцы дрогнули под моими, и я убрала руки раньше, чем успела понять, чего мне это стоило.

— На совете, — сказала я, ровно, глядя в стену над его плечом, — я подам этот реестр. Имей в виду.

Он встал, посмотрел на меня сверху вниз, и впервые за весь разговор в его лице мелькнуло что-то, кроме привычного раздражения. Не нежность. Узнавание. Как будто он впервые за три года увидел меня не там, где оставил.

Потом он ушел. Я слышала его шаги по коридору, тяжелые, неровные. У двери он остановился и не обернулся.

— Не задерживайся допоздна, — сказал он в стену.

Я промолчала. Подвинула к себе реестр, обмакнула перо и вывела поверх чужой строки: «рука лорда, перевязано, без оплаты». Метка на плече медленно остывала и впервые за день не мешала мне работать.

В дверь снова постучали. Тихий стук, знакомый, я подняла голову от реестра. На пороге стояла Ольда с двумя мисками горячего сургуча в руках, от которых пахло канифолью и расплавленным салом.

— С вашего позволения, госпожа, — сказала она, — сургуч готов. Кухарка дала медную плошку и сало, канифоль я взяла из верхней кладовой. Если нужно, я подогрею еще.

— Подогрей, — кивнула я. — И принеси мне чистую бумагу. Три листа. Я начну реестр сегодня, пока память свежая.

Она выдохнула и пошла быстрее. Я вернулась в первую кладовую, убрала с лавки мусор, расстелила реестр и раскрыла на первой странице. Почерк казначея был мелкий, аккуратный, а пометки на полях — торопливые, с нажимом. Я читала строку за строкой и чувствовала, как внутри зреет та ровная, рабочая злость, которая заменяла мне в этом доме силу.

Торвен продавал мою лечебницу, чтобы кормить чужой долг. Метка жгла мне плечо, чтобы я не забыла, на чьей коже он написан. Я обмакнула перо в чернила и вывела поверх его строки первую свою пометку: «проверено, не соответствует». Чуть ниже добавила: «истребовать у казначея». Это была маленькая строчка в чужой книге, но для меня она означала, что в этом доме я снова буду решать, что считать правдой.

Глава 2. Печать на ладони

Ключ от задней двери я держала в левом кулаке, пока правой выгребала из-под прилавка свой лекарский сундучок. Латунная коробка, пинцет с трещиной на ручке, моток бечевки, четыре свежих бинта. Больше ничего. На лавку хватит, на дорогу не хватит, но я уже считала, сколько в кошельке меди, и выходило ровно на два ночлега и плату за перевоз.

— Тетя Нерис, — Тимо, мой ученик, мялся у дверного косяка, шапка в руках, голос сорванный. — Там опять человек от Вельта. У крыльца стоит, не уходит.

Я не повернулась. Сундучок захлопнулся, замок щелкнул, ключ от латунной коробки лег в боковой карман.

— Пусть стоит.

— Он с бумагой. Печать на красном, как у большого суда.

Тогда я повернулась. Тимо смотрел не на меня, а на пол, потому что уже научился читать мое лицо и не хотел видеть, что там сейчас написано.

Печать была тяжелая. Я взяла конверт двумя пальцами, как брала камень, который мог оказаться яйцом змеи. Слово «залог» я увидела раньше, чем вскрыла сургуч. Потом «право рода». Потом имя Мирры, моей младшей, в родительном падеже. Потом «невеста». Потом — срок.

Я села на табурет, потому что ноги перестали держать раньше, чем я им это разрешила.

— Тетя Нерис?

— Кот, — сказала я. — Кто забирает кота?

— Соседка. Мы договоримся. Только вы...

Меня он не договорил, потому что в дверь уже стучали. Не громко, но и не вежливо: так стучит человек, который знает, что за ним стоит печать.

Я встала.

Человек от Вельта оказался не гонцом, а скорее бритой головой при гонце: молчаливый, в серой куртке, с кожаным тубусом для бумаг. Он передал мне второй экземпляр, в обмен на расписку о получении. Я написала «получила», поставила год, месяц, число, подпись. Чужим почерком вышло скверно, и я скрипнула зубами, потому что три года училась ставить руку, как у травницы, а не как у бывшей жены.

— Печать рода Вельта, — сказал человек, ткнув пальцем в сургуч, словно я могла не заметить. — На залоге жены.

— Я читаю, — ответила я. — Подождите во дворе. Я соберусь.

Он ждал. Я тоже.

Мирра, сказала я себе. Не лавка, не кот, не смесь, которую я не доварила вчера. Мирра. Моя младшая, у которой голос всегда громче, чем у ее тела, и которая сейчас, наверное, режет правду в лицо кому-то из Вельтовых приказчиков, потому что думает, будто правда — это щит.

Я заперла лавку, отдала Тимо ключ и сказала:

— Не открывай никому, кроме меня. Если через месяц не приду — продай ступку и кота. Ступку — аптекарю на Косой улице, кота — соседке, она давно его гладит через забор.

Тимо шмыгнул носом, но кивнул. У него уже было лицо мальчика, который боится плакать при чужом, и я впервые подумала, что зря не учила его плакать при своих.

Во дворе я остановилась, потому что плечо обожгло меткой. Не сильно, а так, как будто кто-то издали приложил к коже холодную монету и резко отдернул. Метка горела три года назад, когда Вельт при мне подписал развод, а потом перестала. Я думала, она умерла. Оказалось, она просто ждала повода.

Дорога в родовой замок шла через перевал, потом вдоль серой реки, потом по каменному мосту, на котором мой брат однажды проиграл мою сестру в кости. До моста я считала мили,

после моста — перестала, потому что метка шла волной, и на каждую версту мне казалось, что кто-то большой и теплый идет рядом со мной и дышит в висок. Это был Вельт. Я знала, что это Вельт, потому что ничей другой запах я не узнала бы через три года и пятьсот миль.

Я сняла с пальца браслет развода — тонкий, медный, который носила, потому что думала, будто он закрывает рану, — и положила в кошелек. Пальцу стало холодно, а метке — горячо. Может, Вельт сейчас сидел где-то на другом конце этой нитки и чувствовал то же самое. Хотелось бы, чтобы ему было больно.

Больнее всего было то, что он, скорее всего, тоже считал это справедливым.

Я перекинула сундучок с одного плеча на другое и пошла к мосту.

Перед самым замком, у ворот, где каменные створки были чуть приоткрыты, я остановилась перевести дыхание и услышала, как изнутри, со двора, кто-то негромко говорит:

— ...она уже едет. Лорд сказал — встречать у северной арки.

Я развернула плечи, подобрала подбородок и шагнула внутрь.

Меня ждали не как жену. Ждали как чужую заложницу, у которой на плече горит печать, а в руках — лекарский сундучок, набитый зимой и злостью.

Вельт стоял у арки один, без свиты, в серой куртке, которая когда-то была его парадной, а теперь просто была серой. Он смотрел на меня так, словно я испортила ему утро. Я посмотрела на него так, словно он мне задолжал кота, лавку и три года тишины.

— Нерис, — сказал он. Голос был ровный, без приказа, что было хуже всего. — Проходи.

Я прошла мимо него, не остановившись, и плечо в этот момент горело так, словно кто-то с другой стороны держал его ладонью.

Меня отвели не в гостевые покои и не в бывшую спальню. Длинный коридор пах сырým камнем и лавандовой присыпкой, в конце его стояла Ольда, моя старая наставница, с двумя ключами на потертой связке. Она не смотрела мне в глаза, и я сделала вид, что не заметила, как у нее дрожит подбородок.

— Кладовая лечебницы, — сказала она. — Там кровать, стол и замок на два оборота. Второй ключ у Торвена, у меня только один.

Я взяла связку, взвесила в руке. Латунь была теплая, как будто кто-то держал ее до меня и не хотел отпускать.

— Где больные?

— В восточном крыле, — Ольда все-таки подняла глаза. — Два десятка, и трое с лихорадкой. Кладовка почти пустая, записи я вела, но меня три раза выгоняли из комнаты, когда Торвен менял замки.

— Давно?

— Со дня развода.

Я кивнула, потому что иначе пришлось бы сказать что-то, чего я не имела права говорить вслух. Ольда это поняла, посторонилась, и я шагнула внутрь.

Комната была узкая, как пенал. Кровать с соломенным тюфяком, на котором кто-то забыл свой носовой платок. Стол из неструганой доски. Полка, на которой стояли три склянки с мутной настойкой и лежала мышь с откушенным ухом. За окошком, больше похожим на бойницу, торчал кусок серой стены и кусок чужого белья на веревке. Пахло пылью, прелым сеном и застарелой обидой. Моей обидой, видимо, потому что больше здесь никто не обижался.

Я поставила сундучок на стол, откинула крышку и начала выкладывать инструмент. Латунная коробка, пинцет, четыре бинта, моток бечевки, перочинный нож. Больше у меня ничего не было. Из кошелька достала три серебряные монеты и положила их отдельно, в жестяную крышку из-под мази. Это была моя заначка на первую неделю. На обратную дорогу, если меня все-таки выгонят.

В дверь постучали. Не Ольда, потому что Ольда стучала дважды, а тут ударили один раз, кулаком, и я сразу узнала этот стук.

— Открыто, — сказала я, хотя знала, что замок заперт.

Вельт вошел, не дожидаясь, потому что замок ему не указ. Куртку он снял, под ней была простая льняная рубаша с распахнутым воротом, и я впервые увидела, что у него на запястье, под манжетой, тонкая полоска старого шрама. Три года назад я порезала себе ладонь, когда мы менялись кровью на свадебной ночи. Я думала, у меня одного остался след. Я ошиблась.

— Короткий разговор, — сказал он, не здороваясь. — Соберешь кладовую, покажешь реестр Торвену в воскресенье. Остальное не твое.

— Остальное — это что?

— Верхний зал, пир, верхние палаты, стол совета. Туда не ходишь без приглашения.

— Лечебница, — сказала я, и мой голос звучал ровнее, чем я ожидала, — подчиняется совету, а не тебе лично. Устав я помню наизусть, можешь не проверять.

Он сжал челюсть. Это было старое выражение, которое я знала на вкус, как знают вкус собственной крови, когда прикусишь щеку. Когда-то я смотрела на эту челюсть и думала, что она красивая. Сейчас я смотрела и думала, что она мешает мне работать.

— Я не буду с тобой ссориться, — сказала я. — У меня в восточном крыле трое с лихорадкой, а в кладовке нет ни коры ивовой, ни полыни. Пока я буду сидеть в этой комнате и плакать о том, как ты со мной разговариваешь, они сгорят. Поэтому, Вельт, я сейчас пойду и сделаю реестр, и ты либо поможешь мне с замком, либо выйдешь и закроешь дверь.

Тишина была короткая, но тяжелая. Потом он вынул из кармана второй ключ, маленький, медный, с царапиной на бородачке, и положил его на стол рядом с моими монетами. Не мне в руку, на стол. Это было важно. Это была единственная форма уважения, на которую он сейчас был способен.

— Завтра в полдень, — сказал он. — У совета. По уставу.

— По уставу, — согласилась я.

Он вышел, не оглядываясь. Я подождала, пока стихнут его шаги, потом подняла ключ и спрятала его в боковой карман, к ключу от латунной коробки. Два ключа легли рядом, тяжелые и разные. Второй обжег пальцы через ткань, и я подумала, что надо бы сшить себе кожаный футляр, а то карман прожгу.

Потом я встала, натянула чистый фартук, закатала рукава и пошла в восточное крыло, считать больных и перебирать сгнившие мешки с травами. На пороге я обернулась. В жестяной крышке из-под мази лежали три серебряные монеты, латунная коробка была закрыта, а на столе, рядом с перочинным ножом, лежал медный ключ, который мне только что вернули. Впервые за три года у меня в этом доме была закрытая комната, собственная работа и приказ совета, а не его личный. Это было немного. Но это было мое.

Я пересчитывала мешки с травами в кладовой восточного крыла, когда услышала шаги — тяжелые, неровные, с тем самым припаданием на левую ногу, которое я знала по всем его ранениям. Не оглядываясь, сжала мешок с корой и затянула узел.

— Трое с лихорадкой, — сказала я, не оборачиваясь. — Двое с язвами, одна роженица. Реестр начну сейчас.

Шаги остановились. Я почувствовала, как метка на плече потянулась к нему горячим — отзывалась на его присутствие.

Он не ответил. Подошел ближе, чем я ожидала, и я услышала запах железа и пота — тренировочная площадка, не совет. Обернулась, потому что молчание становилось опасным.

Вельт стоял в трех шагах. Льняная рубаша с правого плеча была спущена, и по предплечью текла кровь, не пульсируя, а просто текущая — старый шрам от боевого когтя раскрыло движением. Он смотрел на меня, и я не могла прочесть его лица — то ли ждет помощи, то ли проверяет, притронусь ли.

Я отложила мешок.

— Садись.

Он сел на лавку, не споря. Я достала из сундучка бинт, иглу с нитью и баночку с живицей. Подошла, остановилась. Метка на плече у обоих вспыхнула одновременно — он вздрогнул, я стиснула зубы.

— Давно? — спросила я, имея в виду шрам.

— С утра.

Он не стал уточнять, откуда. Я наклонилась, посмотрела рану. Глубокая, но чистая, без гноя. Можно зашить. Я взяла его запястье, чтобы оттянуть край кожи, и его кожа под моими пальцами стала горячей.

— Жги, — выдохнул он.

Я не жгла. Только сжала чуть крепче, когда вкалывала иглу. Он дернулся раз, замер. Я шила, считая стежки, чтобы не смотреть ему в лицо. Метка гудела на плече тупым звоном, будто кто-то стучал в стенку изнутри.

Когда я завязала последний узел и отняла руки, Вельт сидел неподвижно. Только смотрел на мои пальцы, которые я вытирала о фартук.

— Вода есть? — спросил он, кивнув на угол.

— У забора. Там бочка.

Он встал, пошатнулся, и я поймала его за локоть — рефлекс, не выбор. Пальцы легли на предплечье, прямо поверх свежего шва. Метка у меня полыхнула так, что в глазах потемнело. Вельт смотрел на мою руку, и на его лице проступило выражение, которого я не видела три года — растерянность пополам с чем-то, что я отказалась узнавать.

Я убрала руку. Тихо, ровно.

— Умываться я не запрещаю.

Он усмехнулся — не мне, себе.

— Нерис, — сказал он.

Я ждала продолжения. Он не продолжил. Встал и ушел, припадая на раненую руку. В дверях он задержался и обернулся, и я увидела, как побелели костяшки пальцев на дверном косяке.

Я осталась одна в кладовой, в которой пахло мокрой тканью и лекарственной горечью. На лавке осталась капля его крови, яркая на неструганом дереве.

Я считала стежки. Шесть. Полторы ладони. Ровный шов, заживет за неделю.

Я записала в реестр: «Лорд — ссадина, зашито, шесть стежков, живица». Подчеркнула «без оплаты». Потом стерла. Не стоит. Пусть совет думает, что я работаю бесплатно. Это мой единственный рычаг.

За стеной послышались шаги Бранна — я узнала по мерному ритму. Он прошел мимо, не заглядывая, и я мысленно поблагодарила его за то, чего он не сделал.

Плечо все еще горело. Я прижала к нему ладонь и почувствовала под пальцами два удара — мой и чужой. Метка сходила с ума. Я достала из кармана медный ключ, положила его на стол рядом с тремя серебряными монетами. Четыре предмета. Четыре обещания, из которых ни одно не мое.

Я пошла к больным.

Первый дом в восточном крыле пахнул кислым потом и мочой. Я толкнула дверь плечом и перешагнула порог, привычно считая ступеньки: их было три, и средняя скрипела, когда-то я об нее спотыкалась по утрам с тазом для трав. Тогда меня за это ругали. Сейчас мне было все равно.

На кровати, прямо на сером одеяле, лежала кухарка Марен. Бледная до синевы, губы обметаны. Рядом на табурете — ее внучка, девочка лет двенадцати, с глазами загнанного зверька. Я поставила сундучок на пол, раскрыла, достала ступку, банку меда, пучок сушеной мяты и чистую тряпицу.

— Когда началось? — спросила я у девочки.

— Со вчера. Бабушка упала у печи.

Я села на край кровати, положила ладонь на лоб Марен. Горячий, но не огонь. Жар ровный, глубокий. Пальпировала шею — лимфоузлы чуть увеличены, мягкие. Открыла ей рот — язык сухой, с белым налетом. Не чума. Просто лихорадка от сырости: кладовая, где она спала, наверняка провоняла плесенью.

Я заварила мяту с медом, дала выпить через тряпицу, чтобы зубы не стерлись. Потом обтерла ей руки и ноги холодной водой из ведра, что стояло в углу. Девочка смотрела, как я работаю, и я поймала себя на мысли, что в первый раз кто-то в этом доме смотрит на меня так, будто я тут по праву.

— Если ночью станет хуже, — сказала я ей, — придешь в лечебную кладовую. Постучишь три раза. Меня зовут Нерис.

Девочка кивнула. Внучка Марен. Та самая, что три года назад подавала мне на свадьбе обручальное полотенце.

Я поднялась, взяла сундучок и пошла ко второму дому. По дороге заглянула в кладовку под лестницей, где хранились сухие травы. Замок висел старый, медный, с бородкой, стертой от времени. Я достала свой ключ — тот, что лежал в кармане вместе с медным ключом Вельта — и повернула. Замок не поддался.

Я нахмурилась, попробовала еще раз. Нет. Ключ был не от этого замка.

Вот оно. Кто-то сменил замок.

Я стояла перед закрытой дверью, сжимая ключ так, что он впивался в ладонь. В голове крутилась одна мысль: Торвен. Дядя Вельта, хранитель печати. Это его рук дело — сменить замок и не сказать мне. Чтобы я не добралась до запасов, пока совет не соберется. Чтобы я опозорилась перед советом, придя с пустыми руками.

Я могла пойти к Вельту. Могла постучать в его покои и сказать: твой род снова играет со мной в прятки. Но я знала, что он ответит. Скажет, что разберется. А потом будет молчать три дня, потому что между ним и его дядей есть вещи, которые он не решает при мне.

Я развернулась и пошла к ключнице.

Ольда стояла в дальнем конце коридора, у окна с мутным стеклом, и перебирала связку отмычек. Не удивилась, увидев меня. Только посмотрела на ключ в моей руке и поджала губы.

— Замок в кладовой, — сказала я.

— Знаю, — ответила она тихо. — Вчера вечером меняли. При мне. Я просила подождать до утра, но...

Она не договорила. В этом доме многие фразы обрывались на середине, потому что стены здесь были глухими и длинными.

— У тебя есть ключ от нового замка? — спросила я.

— Нет. У старейшины.

— Торвен.

Она кивнула. Я посмотрела ей в глаза — впервые за три года. Там стояло что-то, что я не хотела называть прощением. Слишком рано.

— Я пойду к нему, — сказала я.

— Нерис, — она назвала меня по имени, и голос у нее дрогнул. — Он ждет тебя к полудню. До полудня к нему идти нельзя.

Я знала устав. Совет собирается по требованию главы лечебницы, старейшины или трех членов рода. Решение о залоге-жене требует публичного оглашения, голосования и подписи хранителя печати. Но совет собирается в полдень, а сейчас только утро. А у меня в восточном крыле трое с лихорадкой и кладовая без ключа.

Я положила свой ключ обратно в карман. Рядом с медным ключом Вельта. Два ключа, и оба бесполезные.

— Тогда я подожду, — сказала я. — Но не потому, что он велел. А потому что мне нужна печать под его словом.

Ольда смотрела, как я ухожу, и я знала, что она запомнит эту фразу. И что в полдень она найдет способ передать ее совету. Может быть, через Бранна, который сейчас прошел мимо и сделал вид, что не слышал. А может быть, через того мальчишку с грязными коленками, что мелькнул за углом и тут же исчез.

Тимо. Я узнала его по шапке, слишком большой для его головы.

Я толкнула дверь второго дома плечом. Запах ударил в лицо — кислая солома, старый пот и что-то сладковатое, от чего сразу перехватило горло. Внутри было темно, ставни закрыты, только узкая полоса света лежала на полу, как нож.

На кровати, скрючившись, лежал конюх Риг. Я знала его раньше — возил меня на рынок за травами. Теперь он смотрел на меня мутными глазами и не узнавал.

Я поставила сундучок на табурет, открыла. Достала банку с мазью из сосновой смолы, чистую тряпицу, флажку с уксусной водой.

— Покажи ногу, — сказала я.

Он замотал головой, отодвинулся к стене. Я села рядом, не торопя. Язвы стыдные, я знала.

— Риг. Это я, Нерис. Покажи ногу. Иначе до совета не доживешь.

Он медленно вытянул левую голень. Я увидела рану — гнойник уже прорвался, кожа вокруг багровая, горячая. Не гангрена. Еще нет. Я промокнула рану уксусом, зачерпнула мазь, наложила повязку. Риг зашипел сквозь зубы.

— Каждый день меняй тряпицу. Кипятком. Утром и вечером. Не мажь ничем, кроме моей мази. Понял?

Он кивнул. Глаза уже не мутные — испуганные.

— За лечение, — он начал было.

— Три серебряные монеты, — перебила я. — Уже отдала Ольде.

Это была ложь. Но мне нужно было, чтобы он знал цену. Бесплатное лечение в этом доме — это подачка, от которой потом не отмыться.

Я вышла, прикрыла дверь. У порога стоял Тимо с моим сундучком, который я забыла на крыльце. Мальчишка смотрел на меня снизу вверх, шапка съехала на нос.

— Я принес, — сказал он.

— Поставь в кладовку под лестницей.

— Там замок.

— Я знаю, — сказала я. — Поставь у двери.

Он развернулся, побежал. Я смотрела ему вслед и считала шаги. Двадцать. Двадцать один. У кладовки остановился.

Где-то за моей спиной хлопнула тяжелая дверь. Я обернулась. На другом конце двора стоял Вельт. Он смотрел на меня, и я впервые за утро почувствовала, как метка дернулась — не болью, а тонкой ниткой между нами. Он заметил. По тому, как он качнулся, я поняла: он тоже это почувствовал.

Я отвернулась первой. Пошла к третьему дому.

У второго дома я задержалась у двери, пересчитывая то, что осталось в кармане. Два ключа от чужой лавки, три серебряные монеты, латунная коробка с чужим рецептом и крошки трав на дне. На три дома хватит, на четыре уже нет. Третий дом — это старая Марта с распухшим коленом, ей нужен компресс и отвар ивы, а ивы в моей коробке как раз на одну заварку. Четвертый — это девочка с ожогом от кипятка, ей нужна чистая марля и гусиный жир, а жира в коробке нет, и достать его сегодня негде. Я толкнула дверь второго дома и оставила этот расчет на потом, потому что из-за двери пахло так, что считать было уже некогда.

Внутри было хуже, чем я думала. Мужчина лет сорока лежал на соломе, рядом сидела женщина с серым от страха лицом и держала тряпку у его бока. Тряпка промокла насквозь, и пахла не кровью, а гнилой соломой и чем-то сладковатым, что я узнала сразу. Язва. Не рана, не чирей, а именно язва, та, что начинается изнутри и выходит наружу дурно пахнувшей дыркой.

— Когда началось? — я поставила сундучок на пол и опустилась рядом на колени, не дожидаясь приглашения.

Женщина зашептала. Три дня назад. Сначала жар, потом бок покраснел, потом лопнуло. Она промывала отваром ромашки, как все промывают, и я поняла, что отвар был слабый, почти вода, потому что ромашки в нашем городе в этом месяце не сыскать, все скупила лавочница с Косой улицы для своих богатых заказчиц.

Я размотала тряпку. Дырка была с мой кулак, края синие, внутри серое. Жив еще был мужчина чудом. Я промыла дырку отваром ивы, который у меня оставался, тонкой струйкой, потом заложила в нее полоску чистой марли, густо намазанной смесью коры дуба с гусиным жиром. Гусиный жир у меня был, я держала его отдельно в жестянке с крышкой, и сейчас отдал целый кусок, потому что иначе к утру дырка бы закрылась сама и человек умер бы от гнили внутри.

Женщина смотрела на мои руки и не плакала. Это было хуже, чем если бы плакала. Когда молчат, значит, уже привыкли.

— Марлю менять каждый час, — я говорила коротко, потому что времени у меня было до полудня, а еще третий дом и четвертый. — Полоскать отваром ивы снаружи, внутрь не лить, пока не скажу. Жир у вас есть?

— Нет, — она сказала это так, будто отвечала, есть ли в доме серебро на новую крышу.

— Достаньте сала, растопите, остудите. Кору дуба я оставлю, на два компресса хватит. Больше не дам, у меня в городе больных больше, чем у меня коры.

Я отдала ей половину своего запаса коры дуба и три бинта из четырех. Последний бинт оставила себе, потому что без бинта идти к третьему дому было нельзя. Женщина взяла кору, посмотрела на мои руки, на сундучок, на латунную коробку в боковом кармане, и я увидела в ее глазах вопрос, который она не задала. Откуда я. Я не ответила. Это был чужой город, чужие больные, чужая язва, и через час я должна была уехать обратно в замок Вельта, где меня никто не ждал как лекаря, а ждали как залог.

У двери второго дома я задержалась. Из-за угла вышел Тимо, босой, без шапки, и я поняла, что он не ушел к третьему дому, а стоял тут все это время, ждал, не позову ли обратно.

— Тетя Нерис, — он мялся у стены, голос совсем тихий. — А у нас дома так же, да? У нас в замке тоже так лечат?

— У нас дома лечат лучше, — я сказала это, не думая, и сама удивилась. — У нас дома есть лечебная кладовая и реестр, и мазь, и пилюли. А здесь нет ничего, и я выгребая последнее из своего сундучка.

Тимо сглотнул. Я видела, как он переступил с ноги на ногу, и поняла, что он хочет спросить, зачем я тогда тут, если у нас дома есть все. Я не стала ждать вопроса.

— Иди к третьему дому, Марте с коленом. Скажи, что я буду через десять минут. Пусть греет воду, много воды, и пусть найдет чистую тряпку, любую, хоть рубашку мужа. Я приду.

Он убежал. Я пошла к четвертому дому, хотя знала, что идти туда нельзя, потому что у меня нет ни марли, ни жира, ничего, что нужно девочке с ожогом от кипятка. Но я пошла, потому что мать этой девочки вчера стояла у моей лавки с мутными глазами и просила зайти, а я сказала, что зайти не смогу, потому что уезжаю. Уезжаю сегодня в полдень, на повозке, в замок, где меня никто не ждал.

У четвертого дома стояла та самая мать. Она увидела меня и заплакала, не от боли, а от того, что я пришла.

— Нет у меня марли, — я сказала это сразу, не давая ей заговорить. — Нет жира, нет отвара. Я ничего не могу сделать, кроме одного: сниму старую повязку, посмотрю, промою водой, если у вас есть чистая вода, и наложу свою рубашку, потому что у меня с собой только моя рубашка из-под фартука. Завтра привезу марлю и жир, и тогда перевежем как надо.

Она кивала, не переставая плакать. Я вошла в дом, сняла с себя нижнюю рубашку, оставив только фартук и верхнюю, и нарвала рубашку на полосы. Ожог у девочки был на руке, от кисти до локтя, старый, запущенный, с коркой, под которой скопилась гной. Я промыла водой, срезала корку кончиком пинцета, наложила полосы рубашки, смоченные в отваре ивы, потому что ива у меня еще оставалась, замотала последним бинтом и велела матери не снимать до утра. Потом вышла на крыльцо и села на ступеньку, потому что у меня закружилась голова, и не от голода, а от того, что я только что отдала чужой женщине свою рубашку и теперь сидела в одном фартуке на чужом крыльце в городе, где меня никто не знал, кроме моих больных.

Крыльцо пахло хвоей, потому что рядом стояла поленница. Я посидела минуту, считая вдохи. Потом встала и пошла к третьему дому, к Марте с коленом.

У третьего дома меня ждал не только Тимо. У крыльца стоял Вельт, без кафтана, в одной рубашке, руки в карманах. Метка дернулась резко, короткой судорогой, и я поняла, что он подошел к Марте минуту назад, увидел Тимо и остался ждать меня. Не зашел в дом, не ушел, остался ждать. Я остановилась в двух шагах от него, и он увидел, что на мне нет нижней рубашки, что фартук сидит криво, что волосы выбились из-под платка. Он ничего не сказал. Только снял с себя кафтан и протянул мне.

Я взяла, накинула на плечи. Кафтан был горячий, потому что он только что был на нем, и пах кожей, и дымом, и той самой мятой, которую я добавляла в его припарку. Метка осела ровным теплом, как будто кафтан был моим.

— Там Марта, — я кивнула на дверь. — У нее колено, ей нужен компресс и отвар ивы. У меня ива на одну заварку. Я зайду, сделаю, и пойду к повозке. Мне еще в замок, у меня там больной с язвой, которому я оставила повязку, и реестр, и метка, и совет в полночь.

— Я подожду, — он сказал это ровно, без нажима, как будто это была правда, которую я не просила, но он все равно сказал.

Я посмотрела на него. Лицо серое, тени под глазами, те самые, что были у него на крыльце лечебницы, когда он сел на лавку под одеяло и уснул не разуваясь. Я не спросила, зачем он пришел, потому что ответ был в кафтане, который сидел на мне, и в его руках в карманах, и в том, что он стоял у чужого крыльца в чужом городе и ждал меня, не заходя в дом, не пугая Марту, не называя меня госпожой.

— Подожди, — я сказала. — Только я быстро.

Я вошла к Марте. Колено было распухшее, красное, горячее. Я сделала компресс из отвара ивы, последнего, что у меня было, наложила чистую тряпку, замотала бинтом, который Тимо принес из своего узелка, потому что у Марты бинтов тоже не водилось. Марта плакала и говорила, что отвар горький, и я сказала, что горький, потому что иначе не работает, и пусть держит компресс до утра, а утром я пришлю еще, если останусь в городе. Я знала, что не останусь. Я знала, что утром буду в замке Вельта, у печи, с больным, которому менять повязку каждый час, и с реестром, и с меткой, и с советом в полночь.

Я вышла на крыльцо. Вельт стоял на том же месте, руки в карманах. Кафтан на мне сидел криво, я подпоясала его своим фартуком, и выглядело это, наверное, странно, но мне было все равно, потому что мне было холодно, а кафтан был горячий.

— Спасибо за кафтан, — я сказала и не сняла его.

— Оставь, — он ответил. — У меня в замке есть еще. У меня в замке есть все, кроме тебя в этом кафтане.

Я посмотрела на него. Он не улыбался, он говорил правду, и я знала, что он говорит правду, потому что метка лежала ровно, и впервые за утро я не чувствовала в ней ни боли, ни

стыда, ни злости, ни чужой воли. Только тепло. Только его тепло в кафтане на моих плечах, и его дыхание в двух шагах от меня, и его глаза, в которых не было приказа.

— Мне нужно в повозку, — я сказала. — В замок, к больному, к совету.

— Я подвезу, — он ответил. — Пойдем.

Я пошла за ним. Тимо бежал следом, босой, без шапки, и нес мой сундучок, и я не стала его ругать за босые ноги, потому что в кафтане Вельта мне было тепло, и впервые за долгое время мне не хотелось считать больных, мили, монеты, ключи, повязки, капли, глотки, часы до полудня. Мне хотелось просто идти рядом с ним, в его кафтане, и не считать ничего.

У повозки он подал мне руку, чтобы я забралась, и я впервые за три года взяла его руку не для того, чтобы снять повязку, а для того, чтобы просто подняться в повозку. Его пальцы были горячие, и метка вспыхнула под ребрами коротко и тут же осела, как будто узнала его и успокоилась. Я села на лавку, он сел рядом, Тимо залез к нам на колени, и мы поехали в замок, где меня никто не ждал как лекаря, а ждали как залог, но в кафтане Вельта мне было все равно, залог я или лекарь, потому что я ехала домой.

Я шла обратно к больным. Плечо горело ровно, без вспышек. Вельт был где-то далеко, может быть, в кабинете, может быть, на тренировочной площадке. Метка чувствовала его как слабый пульс на дне стакана с водой: вроде бы нет, а вроде бы есть.

У второго дома я остановилась. Из-за двери пахло гнилой соломой, и я поняла, что там не просто лихорадка. Там язва. Я толкнула дверь и вошла, приготовив руки к работе, которой мне никто не платил и за которую я сегодня ничего не получу, кроме трех стежков чужой благодарности.

В кармане у меня лежали два бесполезных ключа, три серебряные монеты и латунная коробка с чужим рецептом. За стеной кто-то считал часы до полудня. А я считала больных, потому что больше в этом доме считать было некому.

Глава 3. Чужие духи

Левое плечо обливало жаром, и я прижала к нему холодную бронзовую пряжку плаща, чтобы хоть немного отрезвить кожу. Дорога к родовому замку Серого крыла тянулась уже третий день, и каждый час метка на плече била меня как маленький кузнец: ровно, зло, будто кто-то считал удары. Я ехала в карете без герба, сама наняла, сама заплатила, а кучер каждый раз косился на мою левую сторону, когда я морщилась. Наемный дом в чужом городе остался позади: прилавок с сушеной корой, ученик с испуганными глазами, кот на лавке. Я бросила все и ехала, потому что письмо с печатью рода Вельта лежало в моем саквояже, и оно называло меня залогом, а не женой.

К вечеру третьего дня карета свернула на подъездную аллею. Я впервые за долгие годы видела эти гранитные столбы с драконьими мордами, оббитыми мхом, и знакомый холодок прошел по спине. В этом доме меня когда-то называли чужой прямо при свечах, при всем дворе, при свекрах, и я ушла, не оглядываясь. Теперь я возвращалась, и метка горела так, будто хотела сказать: мы тебя не звали, но ты нам нужна.

Меня встретили не у ворот, а во дворе. Ранн, управляющий, выскочил из боковой двери, вытирая руки о фартук, словно его оторвали от обеда. Он поклонился, переступил с ноги на ногу и начал что-то мямлить про комнату в восточном крыле, про ужин, про совет, который соберется утром. Я слушала его и пересчитывала в голове свои монеты. Лекарский кошелек лежал на дне саквояжа, под сменой белья и тремя флаконами спиртовой настойки. Эти деньги я зарабатывала сама, и каждая монета была моей, а не их.

Потом из-за угла вышел Вельт. Он был в тренировочной куртке, с мокрыми после боя волосами, и двигался так, будто я испортила ему вечер. Три года назад он смотрел на меня точно так же, когда подписывал развод: спокойно, холодно, как на вещь, которую наконец убрали из дома. Я выдержала его взгляд, и где-то под ребрами шевельнулась привычная старая игла, но я привычно придавила ее каблуком. Я не для того ехала три дня, чтобы снова стоять перед ним бывшей женой, которая просит разрешения войти.

Он остановился в трех шагах, окинул меня взглядом и не сказал ни слова. Я тоже молчала. Тишина между нами была старая, трехлетняя, но метка на плече вдруг полыхнула так, что я стиснула зубы. Ранн рядом мелко вздрогнул, заметив, как я дернула плечом, но смолчал, трус.

Залоговое письмо лежало у меня в саквояже, но я знала его наизусть. Мой брат проиграл в долговой игре мою младшую сестру Мирру роду Иллар, а род Вельта выкупил долг и оформил меня, бывшую жену с неснятой кровной меткой, как залог по чужой сделке. Пока я живу в замке под меткой, Иллар не требует процентов и не трогает Мирру. Если я уеду без отмены залога, долг рода Вельта удваивается и падает на сестру. Об этом мне написали сухим канцелярским почерком, и подпись стояла Торвена, дяди Вельта, хранителя печати. Значит, в замке меня ждали, а я везла им не свою покорность, а свою работу.

Меня отвели в лечебное крыло, а не в хозяйские покои. Тут пахло старым деревом, спиртом и чужими, давно не стиранными бинтами. У двери стояла Ольда, моя бывшая наставница, и смотрела на меня так, будто я была призраком, которого она не звала. Она отвела глаза, но все равно отперла кладовую своим ключом и отошла, не сказав ни слова приветствия. Виноватые люди всегда молчат первыми.

Я вошла в кладовую одна, зажгла свечу и начала считать. Мешки с травой лежали на стеллажах по датам закупки, часть была подписана кем-то другим, часть вообще без бирки, а на полу валялась оторванная страница реестра с гербовой печатью. Я подняла ее, развернула к свету. Это была запись расхода трав за прошлый год, и половина строк была зачеркнута, а на

полях стояли пометки мелким почерком казначея. Я узнала этот почерк. Когда-то я вела для него такие же записи, пока меня не вычеркнули из жизни этого дома вместе с подписью.

Плечо снова обожгло, и я замерла, считая удары. Раз, два, три. Каждая миля назад стоила мне крови и кожи, и эта плата будет идти, пока я здесь. Но у меня был план, и он был прост. Я приехала сюда не как бывшая жена, которая просит прощения за чужой долг, и не как залог, который тихо сидит в углу. Я приехала как травница, которая умеет считать реестры и не боится двойных замков. Завтра совет будет говорить о моей судьбе, а я буду говорить о ценах на кору и о том, почему половина запасов сгнила под их крышей. Если они хотят видеть во мне чужую женщину, пусть платят за мою работу лечебной монетой, а не слезами. А Вельт пусть смотрит, как я перебираю его мешки. Может, впервые за три года он увидит, что я делаю руками, а не жду его приказа.

Мешки я разбирала до полуночи, пока свеча не оплыла до железного подсвечника. Сорок два мешка, семь бочек, три связки сухого корня, и у каждой связки своя бирка или чужая подпись. Я считала на пальцах, записывала углем на обороте оторванной страницы реестра, и сбивалась дважды, потому что плечо жгло волнами, будто метка считала мои действия громче меня. Потом я услышала шаги в коридоре, и свечу я загасила, чтобы меня не застали за чужим столом.

Это была Ольда. Она вошла без стука, неся в руках жестяную коробку с лекарскими печатями, и остановилась у стеллажа, на котором я разложила пересчитанное. Я не стала прятать уголь и записи, наоборот, отодвинулась, давая ей место увидеть, что я нашла. Совесть у нее была старая и рыхлая, как пересохшая глина, и такую совесть можно лечить только фактами, а не словами.

Тридцать один мешок, Ольда, сказала я тихо, и голос у меня был ровный, рабочий. Из тридцати одного мешка половина коры помечена прошлогодней закупкой, и она уже отдает плесенью. Шесть мешков без бирки вообще, их даже в реестр не вносили. Еще девять мешков стоят по цене свежих, хотя им минимум два года. Кто-то из ваших казначеев три года аккуратно списывал траву в ноль и продавал на сторону, а в реестре писал, что она сгнила. Это не моя выдумка, это ваша бухгалтерия.

Ольда поставила коробку на стол, и руки у нее дрожали. Она смотрела на мои записи, и я видела, как она узнает собственный почерк в тех пометах, которые я обвела углем. Она знала. Она всегда знала, где лежит ложь, просто молчала, когда нужно было говорить. Я подвинула к ней страницу, на которой я обвела две строки: расход сухого зверобоя, шесть фунтов, и рядом приписка казначея, что трава сгнила в сушильне. Зверобой не гниет, Ольда. Он сохнет до каменной корки и лежит годами. Значит, кто-то его вынес, а не сжег.

Она закрыла глаза, и я дала ей несколько секунд, потому что в таком доме даже секунды тишины стоят дорого. Потом она заговорила, и голос у нее был старый, силый, как у женщины, которая три года разучилась произносить собственное имя. Она сказала, что ключ от второй кладовой, где лежат тяжелые запасы, отдан Торвену, и второй ключ она носила при себе, а потом перестала носить, потому что ей приказали не входить туда без старейшины. Она сказала, что реестр за последние три года вел Ранн, и что каждую неделю кто-то из совета заходил в кладовую и уносил мешок, а она не считала, потому что ей запретили считать. Она сказала, что после моего развода совет снял ей жалованье наставницы и перевел в простые ключницы, и с тех пор она подписывала только то, что ей давали на подпись.

Я не стала ее жалеть, потому что жалость портит лекарства. Я просто записала каждое ее слово углем на обороте, и в конце добавила дату, время, и свою подпись. Подпись была маленькая, четкая, моя, и я впервые за три года расписалась в этом доме не как бывшая жена, а как человек, который ведет чужой учет. Пусть теперь попробуют сказать, что меня здесь не было.

Потом я задала ей один вопрос, ради которого и осталась в кладовой до полуночи. Где долговая книга лечебницы, Ольда. Та самая, по которой род платил проценты Иллар. Она молчала долго, и я видела, как у нее сжимаются пальцы на жестяной коробке. Потом она кивнула на дальнюю полку, где стояли банки с мазями, и сказала, что книга лежит под нижней доской стеллажа, и доска прибита так, что ее не оторвать без гвоздодера. Я спросила, есть ли гвоздодер в замке. Она сказала, что гвоздодер есть у кузнеца, а кузнец по утрам пьет, но до обеда sober. Я записала и это, потому что в этом доме трезвость кузнеца была частью моего плана.

Она ушла, не попрощавшись, и я слышала, как за ней закрылась дверь, и как в коридоре кто-то быстро прошел мимо, стараясь не скрипеть половицей. Я загасила огарок свечи пальцами, собрала угольные записи в саквояж, под подкладку, где раньше лежало письмо с печатью рода, и легла на узкую койку прямо в платье. Плечо горело ровно, терпеливо, как маленький доменный горн, и я считала удары, пока не уснула.

Утром меня должен был ждать совет, и я должна была прийти к нему с двумя вещами: пересчитанной кладовой и собственной подписью под чужим долгом. Больше у меня ничего не было, но для первого дня этого было достаточно.

Утро началось с того, что кто-то постучал в дверь кладовой ровно в тот миг, когда я завязывала тесьму на саквояже. Я не ждала гостей так рано, и пальцы дрогнули, узел получился слабый. За дверью стоял Ранн, и вид у него был такой, будто он бежал от кого-то через весь двор. Пот стекал по его вискам прямо на воротник, и воротник уже потемнел.

— С вашего позволения, лекарь, — выпалил он, и голос у него срывался на каждом слове, — совет собирается не в полдень. Торвен перенес на час раньше. Вельт будет в зале, и Лисса с ним. Мне сказали передать вам, чтобы вы шли сразу, как оденетесь.

Он говорил «лекарь», и это слово было моим первым чином в этом доме, хотя никто не подписывал мне назначения. Я спросила ровно, без нажима, почему совет перенесли. Ранн мямл шапку и смотрел куда-то в пол, будто там была подсказка.

— С вашего позволения, старейшина не хочет, чтобы вы успели пересчитать кладовую до его речи, — выдохнул он и тут же прикусил губу, словно сам испугался, что сказал лишнее.

Мне стало ясно, что за ночь кто-то заходил в кладовую и видел, что я разложила мешки по сортам. Значит, у меня оставалось меньше времени, чем я думала, но оставались и мои угольные записи под подкладкой саквояжа. Я поблагодарила Ранна кивком, и он ушел, шаркая по камню, а я осталась одна и быстро оделась.

В зале совета пахло воском и чужими духами, сладкими, тяжелыми, как дорогая помада на чужой коже. Лисса сидела рядом с Вельтом, и между ними стоял кубок с вином, которого никто не пил. Она была в сером платье с серебряной вышивкой, и вышивка на воротнике повторяла узор крыла, которое я когда-то сама расшивала на его рубашке. Я отвела глаза, чтобы не смотреть на это.

Торвен начал речь, и голос у него был тихий, ровный, как у судьи, который давно перестал верить в приговоры. Он говорил о долге рода Иллар, о залоговом праве, о том, что мое присутствие в замке есть следствие чужой игры, а не моей воли. Я стояла и слушала, и плечо горело в такт его словам, будто метка понимала каждую фразу.

Потом Вельт поднял руку, и зал стих. Он не смотрел на меня, он смотрел на свои пальцы, сжатые в замок, и на костяшках у него белела старая метка — след моей крови с прежней свадебной ночи. Я узнала рисунок, потому что три года назад сама приложила его ладонь к его запястью. Он не мог снять эту связь без потерь, и теперь, когда я стояла в зале, он это почувствовал. Его рука дрогнула.

— Она приехала как лекарь, — сказал он, и голос у него был низкий, рубленый. — Пусть лечит.

Торвен поднял бровь, и в зале зашептались. Лисса повернула голову и посмотрела на меня так, словно впервые увидела женщину, а не тень. Я выдержала ее взгляд и заговорила первой, потому что молчание в этом доме всегда принадлежало им.

— Я требую место в лечебнице, — сказала я, и голос у меня был рабочий, сухой. — По уставу совета глава лечебницы утверждается голосованием. Прошу поставить мою кандидатуру на голос.

Тишина в зале стала другой, тяжелой, как перед грозой. Торвен сложил руки на груди и посмотрел на Вельта, но Вельт молчал, и его молчание было единственным, что сегодня принадлежало мне.

Голосование считали поднятыми руками, и руки поднимались медленно, словно каждый старейшина взвешивал не меня, а собственное отражение в моих глазах. Три против одного, один против, один воздержался. Воздержался Торвен, и это было хуже, чем если бы он проголосовал против, потому что его молчание оставляло ему право сказать позже, что он не одобрял, но и не препятствовал. Я запомнила эту хитрость и поклонилась совету коротко, по-деловому, как кланяются новому начальству, а не родному мужу. Вельт смотрел на мои руки, сложенные на саквояже, и я видела, как он хочет что-то добавить, и не добавляет, и это молчание стоило ему больше, чем мне.

Когда зал опустел, Лисса осталась сидеть, и серебряная вышивка на ее воротнике блестела в косых лучах, как чешуя. Она не встала, когда я проходила мимо, и я не замедлила шаг. У двери она все-таки окликнула меня, и голос у нее был мягкий, почти заботливый.

— Нерис, — сказала она, и впервые назвала меня по имени, — вам, верно, нужна отдельная комната при лечебнице. Я распоряжусь, чтобы вам принесли постель.

Я остановилась, не оборачиваясь, потому что оборачиваться означало бы признать, что ее слово что-то значит в моем доме.

— Благодарю, — ответила я ровно. — Постель у меня есть. Мне нужен второй ключ от кладовой. Не от комнаты.

Она замолчала, и я слышала, как у нее сбилось дыхание. Ключ от кладовой ей не принадлежал, и просить его она не могла при свидетелях, а свидетели были, потому что зал совета не пустел до конца, кто-то всегда задерживался. Я вышла, не дожидаясь ответа, и в коридоре меня догнал Бранн, капитан стражи, и молча встал у двери лечебницы, как будто давно там стоял.

В лечебнице пахло старыми травами и чужим потом, и я сразу поняла, что без ревизии сюда входить страшнее, чем в совет. Ольда уже ждала у стеллажа с мазями, и в руках у нее была связка ключей, и второй ключ в этой связке был мой.

— Берите, — сказала она тихо, не глядя мне в глаза. — Я сама сняла его с гвоздя в каморке Ранна. Он не хватится до обеда.

Я взяла ключ, и он был теплый, будто его кто-то держал в ладонях всю ночь. Я спросила прямо, зачем она это сделала, потому что в этом доме ничего не делается даром, и ждала платы. Ольда качнула головой, и у нее дрогнули губы.

— Три года назад я подписала ложную опись, — сказала она, и голос у нее был как у больной, которая признается в горячке. — Мне приказали, и я подписала. Теперь я хочу, чтобы в новой описи моя подпись стояла под правдой.

Я записала и это, и время, и дату, потому что в этом доме каждый час стоит записи. Потом я открыла кладовую, и то, что я там увидела, было хуже, чем я думала: мешки с плесенью, банки без этикеток, сушеные корни, перепутанные с лебедой, и на нижней полке — доска, прибитая четырьмя гвоздями, под которой, по словам Ольды, лежала долговая книга. Я достала из саквояжа гвоздодер, одолженный у кузнеца до обеда, и присела на корточки. Доска поддалась со скрипом, и книга лежала там, куда ее спрятали три года назад, в кожаном переплете, с печатью, которая еще держалась.

К вечеру дверь в лечебницу перестала закрываться, и я поняла это раньше, чем услышала сквозняк по ногам. Петля осела, язычок чиркал о косяк и не падал в гнездо, и каждый раз, когда кто-то входил или выходил, в кладовую тянуло холодом из коридора. Тимо принес мне плоскогубцы и гвозди, и я встала на колени прямо на каменный порог, потому что стул занимал бы место, а место в этой комнате было нужно для мешков, а не для меня. Я вытащила кривой гвоздь из верхней петли, подложила под шляпку кусок бересты и загнала его обратно, и дверь перестала кряхтеть, легла в раму ровно, и язычок вошел в гнездо с сухим щелчком, от которого я почувствовала что-то похожее на злость, потому что три года в этом доме никто не удосужился починить даже петлю.

Метка на плече дернулась, едва я выпрямилась. Она не болела, как утром, а тянула вниз, к стене, за которой слышались голоса, и я узнала низкий, рубленый голос Вельта и второй голос, мягче, с ленивыми паузами — Лиссы. Они стояли по ту сторону кладовой, в коридоре, который вел к верхнему залу, и я понимала, что меня они не видят, и видеть не должны, и именно поэтому я не двинулась с места, а присела обратно к петле, делая вид, что дверь все еще не закрыта.

— Она мне не нужна, — сказал Вельт, и слово «нужна» он произнес так, словно пробовал на вкус чужое лекарство. — Она нужна дому.

— Дому, — повторила Лисса, и в этом повторе было все, что она не решилась сказать прямо: что дом уже занят, что место главной женщины в нем не пустует, что метка на его запястье тянется к чужой крови, и от этого ей, Лиссе, холоднее, чем от сквозняка в моей лечебнице. — Милорд, совет проголосовал за нее. Вы сами это допустили.

— Я не допустил. Я промолчал.

Тимо замер у стеллажа с банками и прижал к груди связку сушеного чабреца, словно та могла его спрятать. Я посмотрела на него и качнула головой — тихо, мол, не двигайся. Мальчик сел на корточки и перестал дышать, и в тишине кладовой я слышала, как за стеной Лисса делает шаг, и каблук у нее стучит по камню уверенно, а у Вельта — мягко, потому что он привык ходить так, чтобы его не слышали.

— Вы промолчали, — сказала Лисса уже тише. — А я нет. Я привезла ей фрукты и записку. Я предложила помощь. Она не приняла.

— Она не принимает чужой помощи.

— Тогда что она примет?

Вельт не ответил, и в его молчании я слышала то, что он не сказал бы мне в лицо: что он не знает, что я приму, и что это незнание стоит ему дороже, чем метка на запястье. Я медленно поднялась с колен, и колени у меня затекли, и я оперлась ладонью о косяк. Метка под рубашкой отозвалась глухим теплом, и я поняла: они стоят по ту сторону стены почти вплиты, и связь слышит их так же, как я слышу их голоса. Если я сейчас открою дверь, мы столкнемся в узком проеме, и это будет выглядеть так, словно я подслушивала, хотя я просто чинила петлю.

Я не открыла дверь. Я отступила к стеллажу, сняла с верхней полки банку с сушеной мятой, открыла крышку и перебрала листья, отделяя потемневшие от зеленых. За стеной Вельт кашлянул, и кашель был сухой, тот, что бывает после долгого совета, когда человек молчал через силу. Лисса что-то ответила, но я уже не разбирала слов, потому что в кладовой появился Ранн, и от него пахло потом и чернилами, и он поклонился так низко, что почти уперся лбом в мешок с плесневелым зверобоем.

— Глава лечебницы, — сказал он, задыхаясь, — старейшина Торвен требует вас в каморку у долгового шкафа. Немедленно.

Я закрыла банку с мятой и поставила ее на место. Тимо посмотрел на меня снизу вверх, и я качнула головой: сиди, жди. Он сел, прижав к груди свой чабрец, и в его глазах мелькнул страх, который я хорошо знала, потому что этот же страх я видела в глазах Ольды полчаса назад, когда она отпирала для меня чужой замок. В этом доме все чего-то боялись, и я пока

не понимала, чего боюсь я, кроме того, что Торвен вызвал меня в долговую каморку именно сейчас, когда за стеной стоит Вельт и не знает, с какой ноги к нему сегодня войти.

Я вышла в коридор, и Ранн засеменил впереди, и его спина была мокрая под камзолом, и я подумала, что если он потеет так от каждого вызова, то к зиме просто высохнет. У двери каморки я остановилась, потому что из-за стены услышала, как Вельт произнес мое имя, и произнес так, как не произносил его три года — без злости, без приказа, одним выдохом, словно проверял, звучит ли оно еще в этом доме. Я толкнула дверь и вошла, не оглядываясь, и в каморке пахло сургучом и старой кожей, и Торвен сидел за шкафом, и второй ключ от кладовой лежал у него на столе рядом с моим, и я поняла, что Ольду он уже вычислил.

Я раскрыла книгу и увидела знакомый почерк казначея, и колонки цифр, которые складывались в чужой долг. В самом низу страницы, где обычно ставят итог, стояла подпись, которую я узнала бы из тысячи: Вельт. Его рука, его наклон, его короткое решительное тире вместо точки. Я провела пальцем по подписи и почувствовала, как плечо отзывается жаром, словно метка прочитала вместе со мной. Этой книги мне хватит, чтобы выйти на следующий совет не как залог, а как обвинитель.

Я закрыла книгу, положила ее обратно под доску, прибила доску на место, и передала гвоздодер Тимо, чтобы он вернул его кузнецу, пока тот еще был трезвый. Тимо взял гвоздодер и посмотрел на меня снизу вверх, и в его глазах было то выражение, которое бывает у мальчишек, когда им впервые доверяют не посылку, а дело.

К вечеру лечебница пахла мятой и чистой пылью, и я сидела над реестром, который начала с нуля, и первый лист был мой, и вторая колонка тоже была моя, и это значило, что в этом доме у меня наконец появилась работа, а не только метка на плече.

Глава 4. Общий обед

На обед меня позвали не как гостью, а как должностное лицо. Ольда принесла записку от Ранна, и я перечитала ее дважды, чтобы поверить: глава лечебницы обязана явиться к общему столу и осмотреть подавившегося рыцаря. Подпись стояла Торвенова, но почерк был мелкий, торопливый, явно управляющего. Я спрятала реестр под половицу, закрыла кладовую на ключ и пошла по коридору, считая двери, чтобы не думать о запахе духов Лиссы, который тянулся по лестнице.

Метка на левом плече дрогнула, когда я переступила порог пиршественного зала. Стол был длинный, накрыт на двадцать четыре руки, и почти все места уже заняты. Я заметила Вельта сразу: он сидел не во главе, а через два стула от хозяйского места, и перед ним стояла тарелка, к которой он не притронулся. На запястье у него белел подсыхающий бинт, и я поняла, что Ольда уже сменила ему повязку утром.

Лисса сидела ближе всех к его локтю. Она была в темно-синем платье с серебряной вышивкой, волосы убраны так, чтобы колечко лежало на ключицах, и от нее пахло чужим садом: розовой водой, горячим воском и амброй. Запах был дорогой, уместный, и именно от него у меня свело челюсть. Я остановилась у края стола и не села.

— Рыцарь, — сказал Ранн, выступая из-за стула. — Подавился, лорд настаивает на вашем присутствии.

Рыцарь был грузный, в сером кафтане с гербом Серого крыла, лицо у него пошло пятнами, и он стучал кулаком по столу. Я подошла, положила саквояж на соседний стул, раскрыла его и вынула короткий нож с костяной рукоятью. Жест был маленький, его видели все.

— Имя, — сказала я.

— Бранн, — прохрипел он, и тут же закашлялся.

— Не смейте. Положите руки на стол, локти к краю. Спину держите прямо. Сейчас будет больно, но коротко.

Я встала за его спиной, обхватила руками под ребра, чуть выше пупка, и сжала резко, вверх и внутрь. Кусок хлеба вылетел на тарелку, Бранн вдохнул, лицо порозовело. В зале стало тихо, потом раздался общий выдох.

— Пить медленно, маленькими глотками, — сказала я, не оборачиваясь. — Рыбий жир на ночь, столовая ложка, и завтра показаться мне в кладовой.

Бранн закивал, и в этот момент заговорил Вельт. Голос у него был ровный, но я услышала в нем ту ноту, от которой три года назад у меня перехватывало горло: он отдавал приказ всей комнате, и одновременно только мне.

— Глава лечебницы, — сказал он, — займите место за столом. Здесь, рядом с Бранном.

Стул стоял по правую руку от него. Между ним и Лиссой. Я посмотрела на стул, потом на Вельта, потом на Лиссу. Она улыбалась ровно, и в этой улыбке было обещание.

— Благодарю, лорд, — ответила я, — мне удобнее у двери. Здесь лучше видно зал, и я успею к следующему вызову.

Я переставила саквояж на свободный крайний стул и села, не дожидаясь разрешения. Метка дернулась вниз, к Вельту, и я сжала зубы, чтобы не выдать лица.

— Какой скромный выбор, — мягко сказала Лисса, и в голосе у нее был мед. — Серебро с вашей стороны, госпожа Нерис. Но разве место лекаря не среди своих?

— Место лекаря, — ответила я, — там, откуда удобнее встать к постели. Здесь до двери четыре шага. До вашей половины, миледи, — все двадцать. Кто-то из нас успеет к больному раньше.

Пауза была маленькой, но достаточной, чтобы Вельт положил вилку. Я не подняла глаз, разложила перед Бранном записку с порядком приема лекарства, и он прочитал, шевеля

губами. Зал заговорил снова, тише, чем раньше, но я слышала, что обо мне говорят именно так, как хотела: не как о госте, не как о жене, а как о человеке, к которому пришли за помощью.

Лисса отпила вина, и капля упала на скатерть. Вельт промокнул пятно, не глядя на нее. Я поймала этот жест, и метка кольнула в плечо, но я удержала лицо ровным. У меня в кармане лежали четыре условия для совета, и я знала, что вечером вернусь в кладовую, чтобы сверить их с долговой книгой. А пока я налила Бранну воды, отрезала хлеба и отправила его в коридор, к воздуху, подальше от чужих духов.

В коридоре пахло мокрым камнем и чужой свадьбой. Я перехватила саквояж поудобнее и пошла к лестнице, считая ступени, чтобы не думать о капле вина на скатерти и о жесте, которым Вельт промокнул пятно, не глядя на Лиссу. На седьмой ступени метка дернулась вниз, к нему, и я стиснула зубы. У меня в кармане лежали четыре условия для совета, и я хотела добраться до кладовой раньше, чем Ранн принесет новую записку.

У двери кладовой стоял Тимо. Он мял шапку, и пальцы у него были серые от мела, значит, утром его посылали к писарю.

— Ключница велела передать, — сказал он и протянул сложенный лист. — Чтобы вы не ходили в долговую, там... там управляющий.

Я развернула записку. Почерк был Раннов, но буквы дрожали: «Долговая каморка закрыта по приказу старейшины. Реестр лечебницы будет проверен советом завтра на рассвете. Прошу не входить.»

Я сложила лист и спрятала в карман фартука. Потом посмотрела на Тимо.

— Ты считал мешки в первой кладовой?

Он замотал головой.

— Я умею считать до двадцати, госпожа.

— Будешь уметь до ста. Сейчас пойдешь со мной, возьмешь уголек и бумагу. Будешь записывать, что я назову. За каждую строчку — миска каши и кусок хлеба. Иди мой руки, они у тебя в мелу.

Он убежал, стуча пятками по камню. Я достала ключ с биркой «двойка» и отперла первую кладовую. Внутри пахло сухой мятой и старым воском, на полу лежала пыль, которую я утром не вытерла. Я подняла доску у стеллажа, на которой стояла жестяная коробка с моими пилюлями от кашля, и проверила тайник под ней. Долговая книга лежала на месте, в промасленной тряпице, как я оставила после обеда. Я вынула ее, раскрыла на странице, помеченной закладкой, и положила под пресс из двух чугунных ступок.

Вернулся Тимо с угольком и обрывком бумаги. Я поставила его на лавку у окна, дала дощечку вместо стола и показала, как писать «мешок» и «бирка».

— Смотри. Вот этот мешок, — я сняла с крюка серый холщовый тюк, — подписан «кора дуба, верхний ярус». Развязывай.

Он развязал, и запахло кислым деревом и белой плесенью. Я вытряхнула горсть на стол. Кора была перемолотая, с белым налетом, как и утром.

— Пиши: «вскрыт третий мешок, помечен как подмена». Ниже: «плесень, не соответствует».

Тимо старательно выводил буквы, высунув язык. Я взяла следующий мешок, «ива ломкая, нижний ярус», и там оказалась сухая трава с желтыми прожилками, пахнувшая сеном.

— Пиши: «четвертый мешок, ива — подмена, трава луговая, сено».

Когда мы дошли до седьмого мешка, дверь скрипнула. На пороге стоял Ранн, за ним — Торвен. Управляющий держал свиток, старейшина — ничего, только руки за спиной.

— Глава лечебницы, — сказал Торвен, — реестр будет проверен советом на рассвете. Я пришел убедиться, что вы не покидали кладовую.

Я выпрямилась. Метка кольнула в плечо, но я держала спину ровно.

— Я в кладовой, старейшина. Как и положено главе лечебницы, которая несет ответ за каждую банку и каждый мешок. Реестр будет готов к утру, я работаю с учеником.

Торвен посмотрел на Тимо, потом на стол, где лежали вскрытые мешки, потом на меня.

— Ученик, — повторил он. — Мальчик на побегушках.

— Мальчик, который умеет писать, — ответила я. — Совету будет что показать, кроме моего почерка.

Торвен шагнул к столу, и я увидела, как он смотрит на доску у стеллажа. Пресс из ступок стоял на месте, тряпица лежала ровно. Он не мог знать, что под ней, но я видела, как у него дернулась щека.

— Я настаиваю, — сказал он тише, — чтобы вы опечатали кладовую своей печатью до рассвета. Сургуч уже готов, Ольда принесет. Печать ставится в присутствии свидетеля.

— Печать ставлю я, — ответила я, — в присутствии ключницы и главы стражи. Устав лечебницы это позволяет. Завтра в шесть утра я открою кладовую перед советом и покажу реестр. Если найду расхождения, я укажу их отдельно.

Ранн зашептал что-то старейшине, но тот отмахнулся.

— В шесть, — повторил Торвен. — Не позже.

Он вышел, и Ранн за ним. Я перевела дух и посмотрела на Тимо. Он сидел бледный, уголек зажат в кулаке.

— Пиши дальше, — сказала я. — Восьмой мешок.

Когда мы закончили, за окном стемнело. Я отобрала у Тимо лист, проверила каждую строчку, подписала внизу «глава лечебницы, Н.» и дала ему миску каши с краюхи хлеба, которые Ольда оставила на лавке. Он ел, роняя крошки на бумагу, и впервые за день не шпионил, а просто ел. Я заперла кладовую на ключ, спрятала долговую книгу под половицу, где лежал реестр, и пошла к себе.

В коридоре у лестницы пахло розовой водой и амброй, и я поняла, что Лисса не ложилась. Я замедлила шаг и услышала тихий голос Вельта, и его голос был совсем другим, не ровным, не приказным, а сломанным посередине.

— Я не могу сказать это при всех, — говорил он. — Я не знаю, как.

Лисса ответила так тихо, что я разобрала только «метка» и «залог», и метка на моем плече дернулась вниз, к нему, сильнее, чем за весь день. Я сжала кулак в кармане фартука, прошла мимо, не оборачиваясь, и заперла дверь своей каморки на засов. На столе лежал чистый лист, и я села писать речь для совета, чтобы к утру знать наизусть каждое слово, которое скажу этому дому в лицо.

Утро пришло с запахом холодной золы и вареной репы. Я проснулась раньше петухов, потому что левое плечо горело ровным каленым гребнем, и сон от этого не держался. Я села на узкой койке, уперлась пятками в ледяной камень пола и посчитала удары метки. Двенадцать. Двенадцать, как серебряных монет в кожаном мешочке, который я переложила вчера из нагрудного кармана фартука в саквояж. Метка считала деньги вместе со мной, и от этого стало противно до позыва в горле.

За стеной кто-то гремел ведром. Потом раздался голос Ольды, тихий и ровный, будто она разговаривала с самой собой, потом — шаги Тимо, мелкие, торопливые, с тем шарканьем, каким шмыгают мальчишки, если им велено не шуметь, но у них чешутся подошвы. Я натянула чистую рубаху, застегнула ворот у самого горла, чтобы ткань легла на метку, и перехватила фартук. На столе лежал чистый лист, исписанный ночью почти до полей, но я знала наизусть каждую строку.

Я открыла дверь и пошла по коридору, считая двери. Четвертая была кладовая, пятая — каморка ключницы, шестая — кухонный выход. У кухни пахло горелым жиром и чужой свадьбой: кто-то уже принес из города свежие духи, и запах плыл по всему крылу. Я остановилась, потому что услышала, как Лисса говорит прислуге что-то про «завтрак на двоих в малой зале»,

и голос у нее был такой гладкий, словно она укладывала волосы. Я постояла, подождала, пока шаги стихнут, и пошла к кладовой.

Тимо ждал у двери, бледный, в чистой рубаше, которую ему, видно, дала Ольга. В руках он держал миску с кашей и краюху хлеба, и от этого стал похож не на шпиона, а на послушника, которому впервые доверили работу.

— Ешь на ходу, — сказала я, отпирая замок. — Сначала сургуч, потом миска. Сургуч важнее.

Он кивнул, не перечая. Внутри пахло мятой и старым деревом, на полу лежала пыль, которую я утром не вытерла. Я подняла доску у стеллажа, вынула из-под нее долговую книгу в промасленной тряпице и положила на стол. Потом открыла нижний ящик, достала завернутую в тряпку жестянку, которую Ольга принесла вчера, и развернула. Сургуч из свиного сала с канифолью лежал теплым, мягким, готовым к печати. Я достала свою печать — круглую, медную, с моим вензелем, которую я вырезала сама в первый год после развода, — и поставила жестянку на жаровню.

— Смотри, — сказала я Тимо. — Когда капнешь на бумагу, приложишь печать. Держишь ровно, не дышишь, считаешь до трех.

Он смотрел так, будто я показывала ему, как режут горло. Я усмехнулась одними губами.

— Это для порядка, мальчик. Не для крови.

Сургуч задымил. Я капнула на чистый лист, прижала печать, подержала три счета. На бумаге остался четкий круг с моей меткой и годом, когда меня вычеркнули из дома. Я отложила лист и взяла второй.

В коридоре раздались шаги, тяжелые, неторопливые, с тем гулким призывком, каким ходят люди в сапогах по каменному полу. Я выпрямилась, не убирая печати. Дверь открылась, и вошел Вельт. Он был в серой домашней куртке, без пояса, с расстегнутым воротом, и от него пахло ночным холодом и вином. На левом запястье, у самого края рукава, белела старая полоса — свадебный шрам, который я впервые увидела два дня назад, когда перевязывала ему руку.

— Рано встаете, госпожа глава лечебницы, — сказал он.

Я не ответила на «госпожу», потому что мы оба знали, что это слово сегодня ничего не стоило.

— Мне нужно работать, Вельт.

Он стоял у двери, и я видела, как он смотрит на мою печать, на сургуч, на долговую книгу в тряпице, на Тимо, который замер с миской в руке.

— Я пришел спросить, — начал он, и голос у него был другой, не ровный, не приказной, а сломанный посередине. — Вчера, на совете, вы сказали «вы нужны дому, а не мне». Я хочу знать, что это значит.

Метка кольнула в плечо, и я сжала зубы, чтобы не выдать лицом. Я отложила печать, обтерла пальцы о фартук и посмотрела ему в глаза.

— Это значит, что дом вам дороже меня. Так было три года назад, когда меня вычеркнули. Так осталось вчера, когда вы сказали, что я нужна, но не назвали, кому. Вы не спрашиваете меня, Вельт, вы решаете за меня, кому я нужна. Поэтому я в кладовой, а не у вас в малой зале за завтраком на двоих.

Он не двинулся с места. Я видела, как дрогнул мускул у него на челюсти, как пальцы левой руки, перевязанные моей марлей, сжались в кулак.

— Лисса ждет вас к завтраку, — добавила я тише. — Идите к ней. У меня сургуч стынет.

Вельт шагнул ко мне. Не вплотную, на полшага, но я почувствовала, как воздух между нами стал плотным, и метка отозвалась вниз, к его запястью, туда, где белела старая полоса. Я не отступила. Я стояла, держа в руке медную печать, и смотрела, как он поднимает левую руку и медленно, не глядя, закатывает рукав.

Под шрамом, прямо поверх него, лежала моя кровь. Старый свадебный знак, который он не снял вместе с браслетом. Я видела, как он белеет по краям, как кожа вокруг него натянута, и я впервые поняла, что он тоже не мог его свести.

— Я не могу снять это без тебя, — сказал он.

— Я знаю, — ответила я. — Поэтому вы здесь.

В коридоре раздались быстрые шаги, духи Лиссы долетели до двери, и я отступила на шаг. Вельт опустил рукав. Я повернулась к столу и снова взяла печать.

— Идите, — сказала я, не оборачиваясь. — У вас гостя. У меня работа.

Он постоял еще минуту, я слышала его дыхание, потом шаги удалились, и запах чужой свадьбы остался в кладовой вместе со мной. Я посмотрела на Тимо. Он сидел с открытым ртом, забыв про кашу.

— Ешь, — сказала я. — Потом будешь учиться считать до двадцати.

Он опустил глаза в миску. Я капнула сургуч на следующий лист и приложила печать, и круг отпечатался ровно, без дрожи в руке, хотя метка на плече горела так, будто кто-то прижал к коже раскаленный медный пятак. Я положила опечатанный лист на стол и пошла к двери, потому что в коридоре пахло чужими духами, и я хотела знать, останется ли он сегодня за столом с Лиссой, или его место опять будет пустым, как обещание, которое он не сдержал три года назад.

Я вышла в коридор и остановилась у третьей двери, потому что из малой залы пахло свежим хлебом и чужими духами, а мне нужно было знать, кто сегодня завтракает. Слух у лестницы был слышен: два голоса, один ровный и густой, второй мягкий, с ленцой, и третий, торопливый, с присвистом — Ранн, который всегда говорит так, будто извиняется заранее. Метка на плече дернулась вниз, к запястью, которое полчаса назад мне показал Вельт, и я перехватила фартук плотнее, чтобы ткань легла на кожу. Я пошла на голоса, потому что общий обед — это место, где меня либо посадят с прислугой, либо позовут к столу как залог, и разница между этими двумя местами стоила мне всего моего дня.

Малая зала была набита людьми. За столом сидела Лисса, свежая, в голубом платье, с браслетом на правой руке, где у Вельта был мой свадебный знак. Торвен занимал место во главе, перед ним лежала тарелка с кашей и чаша с водой, и он ел медленно, словно каждое движение его рук стоило дому денег. Вельт сидел слева, с перевязанной рукой, и смотрел в тарелку, а не на Лиссу. Ранн стоял у стены, сложив руки, и его лоб блестел от пота.

— А, госпожа глава лечебницы, — сказал Торвен, не поднимая глаз. — Мы как раз обсуждали, что подать на обед.

Я остановилась у двери, потому что стул для меня стоял в конце стола, рядом с кухаркой, и это было не гостевое место, а место для прислуги.

— Я не обедаю с кухаркой, — сказала я. — Если дом решил, что я залог, я обедаю там, где обедает залог.

Лисса улыбнулась и подвинула свой кубок ближе к Вельту.

— Нерис, дорогая, мы не хотели вас обидеть. Место для вас есть, просто Ранн не рассчитал, сколько стульев нужно.

Ранн вспыхнул и начал бормотать про «с вашего позволения», но я не смотрела на него. Я смотрела на Вельта, и он наконец поднял глаза, и я увидела в них то, что видела три года назад, когда меня вычеркивали из рода: решение, принятое за меня, и стыд, который он не умел называть вслух.

— Поставьте стул напротив меня, — сказала я Ранну. — Между мной и Лиссой.

Тишина в зале стала плотной. Торвен положил ложку. Лисса перестала улыбаться.

— Это не принято, — сказал Торвен.

— Залоговое право тоже не принято в приличных домах, — ответила я. — Однако мы здесь.

Вельт молча кивнул Ранну. Ранн метнулся к стене, принес стул, поставил его между мной и Лиссой, и руки у него тряслись так, что стул дважды стукнул о каменный пол. Я села, расправила фартук, и метка на плече сразу отозвалась вниз, к его запястью, которое лежало на столе рядом с моей тарелкой. Я не посмотрела на его руку. Я посмотрела на хлеб.

Лисса наклонилась ко мне через стол, и я почувствовала запах ее духов — те самые, сладкие, с апельсиновой коркой, что плыли по всему крылу.

— Нерис, — сказала она тихо, так, чтобы слышала только я. — Я хочу помочь. Я знаю, что вам трудно. Я могу поговорить с отцом о вашей сестре.

Я отломил кусок хлеба, положила его в тарелку и не ответила. Она ждала, и я видела, как у нее дрогнули пальцы на кубке.

— Помощь, — сказала я наконец, — это когда не подменяют мой реестр в кладовой.

Она отшатнулась. Вельт перестал жевать. Торвен поднял глаза от тарелки и посмотрел на меня так, словно я впервые за три года сказала вслух то, что он надеялся не услышать.

— Что значит «подменяют»? — спросил Торвен.

Я достала из кармана фартука бирку с пометкой «списано, Т.» и положила на стол рядом с его тарелкой. На бирке стояла дата, и по этой дате выходило, что половина мешков из кладовой была списана за два дня до того, как меня вычеркнули из дома.

— Это значит, — сказала я, — что когда меня выгоняли, лечебница уже была пуста. И что ваш почерк, хранитель печати, я узнаю даже спросонья.

Торвен положил ложку. Лисса перестала дышать. Ранн попятился к стене и вжался в нее спиной, словно хотел провалиться сквозь камень. Вельт смотрел на бирку, и я видела, как у него побелели костяшки на перевязанной руке.

— После обеда, — сказал он тихо, — мы с вами пойдем в кладовую вместе. Я хочу видеть реестр.

Я кивнула, не глядя на него, потому что метка горела так, что у меня потемнело в глазах, и я знала, что если я сейчас посмотрю ему в лицо, я скажу вслух то, чего говорить нельзя при Лиссе и при Торвене. Я отломил еще кусок хлеба и стала есть, и за столом стало так тихо, что я слышала, как капает воск со свечи на бронзовый подсвечник. Я доела, положила ложку и встала.

— Благодарю за обед, — сказала я. — Ранн, принесите, пожалуйста, ключ от второй кладовой в лечебное крыло через час. Хранитель печати, жду вас в кладовой после совета. Лорд Вельт, вы знаете, где меня найти.

Я вышла из зала, и спина у меня горела от их взглядов, но я шла ровно, считая двери: первая, вторая, третья, кладовая. У двери меня ждал Тимо с миской в руках, и я отобрала у него миску, потому что обед уже был, и поставила на лавку рядом с саквоем.

— Сургуч, — сказала я. — Потом реестр. Потом печать на каждом листе. И если кто-то войдет без стука, ты кричишь «не сейчас», громко, на весь коридор.

Он кивнул, бледный, серьезный, и я впервые подумала, что из него выйдет толк, если мы оба доживем до конца этой недели.

Глава 5. Разговор после совета

Записка лежала под язычком замка так, что без отмычки ее не достать. Я сунула ее туда сама, пока Торвен объяснял Ранну порядок речей, пока стул подо мной еще хранил чужое тепло. Совет кончился голосованием, зал опустел, а я задержалась, делая вид, что записываю свой лист итогов. Лист у меня уже был исписан четырьмя пунктами: считать кладовую, выставить реестр, сварить сургуч, заказать у Ольды нитки с толстой иглой. Пятым пунктом я дописала: узнать, кто вынул мой ключ из второй кладовой.

Теперь я стояла в нише у долгового шкафа, прижавшись лопатками к холодному камню, и ждала, пока уйдут последние шаги.

Метка на левом плече гудела ровно, без всплесков, как закипающий чайник. Это значило одно - Вельт где-то в замке, не дальше двух поворотов, и думает обо мне в ту же секунду, что и я о ключе. Я не обманывала себя: эта связь была старой, она работала в обе стороны, и три года назад я научилась ее глушить работой, голодом, бессонницей. Сейчас я не могла себе позволить ни того, ни другого, и она отвечала мне за мою дверь.

За стеной заговорили. Голос Лиссы - мягкий, с уменьшительным, как обертка от леденца.

- Вельт, я прошу тебя как невеста. Объясни мне, что значит эта женщина в твоём доме. Не как залог. Как человек.

Пауза. Я слышала, как он выдохнул. Потом - глухо, почти себе под нос:

- Нерис нужна дому.

Не "мне". Дому. Метка дернулась вниз, к запястью, и я сжала кулак, чтобы она не тянула меня к двери. У меня в кармане фартука лежала жестяная коробка с моими пилюлями, а в саквояже - смена бинтов и карандаш для реестра. Лисса сейчас была мне не враг, а зритель. Врагом был Торвен, который через час попросит меня открыть вторую кладовую вместе с ним и его ключом.

- Она лекарь, - ответил Вельт. - Она хорошо лечит.

- Она бывшая жена, - сказала Лисса. - Это разные вещи, мой лорд. И в твоей речи не было ни слова о том, что ты собираешься с ней делать. Я приехала сюда не для того, чтобы делить мужа с лечебной комнатой.

Шаги. Она подошла к нему ближе, я слышала шорох ткани. Запах розовой воды проник даже в нишу, и я зажмурилась. У меня на свадьбе были такие же розы. Вельт тогда молчал, а сейчас я впервые слышала в его голосе не холод, а усталость.

- Лисса, я сейчас не готов.

- Ты никогда не готов, - сказала она тихо. - А твой дядя готов. Он подпишет мне брачный контракт на этой неделе, если ты промолчишь.

Она вышла. Шаги удалились к лестнице, потом хлопнула дверь. Вельт остался. Я слышала, как он прошелся по галерее, остановился, видимо, у окна. Метка в моем плече стала горячей. Я положила ладонь на грудь и стала считать до десяти, чтобы она улеглась. На семь стало тише. На десять - почти ровно.

Я вынула из-под язычка замка записку. Это была расписка моего брата, та самая, с печатью рода Вельта. На обороте кто-то посторонней рукой, не брата, приписал: "Сестра по метке идет в залог". Я знала этот почерк - Торвен. Я сложила расписку вчетверо, потом еще раз, засунула в жестянку под пилюли и закрыла крышку.

Теперь у меня было две вещи против Торвена: эта расписка и долговая книга лечебницы, которую я нашла под доской стеллажа и положила обратно. Обе улики были моими, обе - тайными, и обе - против совета.

В нишу заглянула Олда. Я вздрогнула.

- Тише, - сказала она. - Это я. Он ушел к себе. Метка тянет?

- Тянет.

- Ключница, - сказала она. - Ключница, Нерис. Помнишь, кем ты была до его матери?

- Травницей, - сказала я. - Еще ученицей.

- Ученицей ключницы, - поправила она. - Моей ученицей. Я пойду с тобой к Торвену.

Он не имеет права открывать вторую кладовую один.

- Имеет, - сказала я. - Второй ключ у него.

- И второй ключ с ним. Мой снят. А его лежит у него на столе, и он считает, что я этого не знаю. Я знаю. Потому что я его туда положила. Иди, Нерис. У тебя час.

Я взяла саквояж, поправила фартук и пошла к долговому шкафу.

Шаги Торвена я услышала за поворотом раньше, чем увидела его самого. Он всегда ходил так, будто каменный пол принадлежал ему лично и каждая плитка обязана была это знать. У долгового шкафа он остановился, поправил цепь с печатью и посмотрел на меня так, словно я была случайной тенью в коридоре, которую он еще не решил, заметить ли.

- Нерис, - сказал он ровно. - Ты в кладовой уже сорок минут. Мы договаривались, что ты вступишь меня по первому требованию.

- Я не в кладовой, старейшина. Я у шкафа. Это коридор.

Он не улыбнулся. Уголок его рта дернулся, но глаза остались прежними - сухими, серыми, как зимняя вода в колодце. Я держала саквояж перед собой обеими руками, чтобы он видел: я не прячу ничего под фартуком. Прятать я уже спрятала.

- Открой вторую кладовую, - сказал он. - У меня ключ.

Я достала свой ключ с биркой двойка и показала ему. Медный, тусклый, с царапиной на бородке, которую я оставила в первый день, когда проверяла, не подменили ли его.

- У вас свой, старейшина. У меня свой. По уставу мы открываем вместе.

- Устав помнит наставница, - сказал он. - Я помню результат.

- Результат я записываю в реестре, - ответила я. - Откройте.

Он вставил ключ в верхний замок, я - в нижний. Два оборота одновременно, и тяжелая дверь отошла внутрь, выпустив запах сухого камня, пыли и чего-то кислого - подпорченной травы или пролитой когда-то настойки. Я перешагнула порог первой, потому что вторая кладовая была моей территорией по праву ключа. Торвен вошел следом, и я услышала, как он чуть замедлил дыхание - значит, увидел то же, что видела я утром: голые крюки, пустые полки, бирки со списанием.

- Здесь ничего нет, - сказал он.

- Здесь было сорок два мешка, - ответила я. - Сейчас девятнадцать. Остальные списаны вашей рукой, старейшина. Я проверила почерк.

Он повернулся ко мне. В тесной кладовой его плечи казались шире, а голос - тише. Он всегда говорил тише всех в зале, и от этого каждое его слово ложилось на камень, как капля свинца.

- Нерис, - сказал он. - Ты забываешь, в каком статусе ты находишься в этом доме.

- Залог рода Вельта, - ответила я. - Это написано в записке, которую вы приписали на обороте братовой расписки. Сестра по метке идет в залог. Вашей рукой, старейшина.

Он не отвел взгляда. Я тоже.

- Залог, - повторил он, - подчиняется распорядку дома. Глава лечебницы подчиняется совету. Ты сейчас глава лечебницы. Это разные вещи.

- Глава лечебницы отчитывается перед советом раз в неделю, - сказала я. - Совет еще не назначил мне день отчета. Значит, я работаю.

Я поставила саквояж на лавку, раскрыла его и начала доставать банки. Каждая банка становилась на полку с тихим стуком, и я чувствовала, как он считает их вместе со мной. Банка с подсохшей мазью от чирьев - на верхнюю полку. Жестянка с пилюлями от кашля - на

среднюю. Мешочек с корой дуба, которую я только что перемолола и проверила на вкус - она была кислой, с белым налетом, подмененной, - в сторону, как вещественное доказательство.

- Что ты делаешь? - спросил он.

- Инвентаризацию, - сказала я. - Согласно уставу, глава лечебницы имеет право открывать кладовые и вести реестр расхода трав. Совет проголосовал за меня три против одного. Один воздержался.

- Совет проголосовал под давлением метки, - ответил он.

- Метка не голосует, старейшина. Она болит.

Он подошел к стеллажу, провел пальцем по полке и посмотрел на пыль на перстне. Потом посмотрел на меня, и я впервые увидела в его глазах не злость, а расчет. Это было хуже. Злость я умела держать, расчет - нет.

Писец поднял перо. - Нерис, - сказал он тише. - Ты дочь этого дома по крови. Ты была женой лорда. Ты вернулась не как гостя.

- Я вернулась как залог, - повторила я. - Это разные вещи, вы сами сказали.

- Ты могла бы вернуться как невестка, - ответил он. - Если бы три года назад согласилась на тихую сделку. Брат твой проиграл сестру, метка пошла залогом. Это можно было закрыть брачным контрактом с доверенным лицом рода Иллар. Ты отказалась. Ты ушла.

- Меня выгнали, - сказала я. - Это тоже разные вещи.

Он замолчал. Метка на моем плече дрогнула - Вельт где-то в замке повернулся, или поднялся по лестнице, или просто вспомнил, что я существую. Я сжала зубы и продолжила расставлять банки. Руки у меня не дрожали. Я запретила им дрожать три года назад, когда уходила через задние ворота с одним саквояжем и без браслета.

- Старейшина, - сказала я. - Мне нужно снять доску стеллажа. Под ней лежит долговая книга лечебницы. Я хочу пересчитать листы.

Он не двинулся с места. Я видела, как его пальцы сжали цепь с печатью.

- Какая книга? - спросил он ровно.

- Долговая, - повторила я. - С записями о процентах, которые лечебница платила за род три года назад. Я знаю, что она там, старейшина. Я видела сургуч на последней печати. Это ваша печать.

- Эта книга закрыта, - сказал он. - Она не входит в реестр лечебницы.

- Она входит, - возразила я. - Любая книга, в которой расписаны траты лечебницы, входит в реестр лечебницы. Это устав, старейшина. Тот самый, который вы забываете, когда вам неудобно.

Он сделал шаг ко мне. Не угрожающий, но близкий - настолько, что я почувствовала запах его одежды: воск, старое железо, лед. Метка на моем плече поднялась выше, к шее, и я поняла, что Вельт сейчас ближе, чем был пять минут назад. Значительно ближе.

Радан не перебил. - Нерис, - сказал Торвен. - Эта книга опасна для дома.

- Для дома или для вас? - спросила я.

Он не ответил. Вместо этого он положил ладонь на мою руку - ту, что держала банку с мазью. Метка вспыхнула так, что я зажмурилась, но это была не та вспышка, что с Вельтом. Это была вспышка чужой власти, холодной и требовательной. Я отдернула руку, банка звякнула о полку, мазь потекла по пальцам.

- Не трогайте меня, старейшина, - сказала я тихо. - Я залог, но я не ваша собственность.

Он отступил на полшага. В дверях кладовой стоял Вельт. Я не слышала его шагов - метка заглушала все звуки, когда он был рядом. Он смотрел на меня, потом на Торвена, потом снова на меня. На его запястье белел старый свадебный шрам, и метка на моем плече отвечала ему так, что у меня перехватило дыхание.

- Дядя, - сказал Вельт. - Выйди.

Торвен посмотрел на него долгим взглядом, потом на меня, потом вышел, не закрыв за собой дверь. Я осталась стоять с банкой в руке и подсыхающей мазью на пальцах. Вельт не вошел. Он остался в дверях.

В комнате снова стало тихо. - Нерис, - сказал он. - Мне нужна эта книга.

- Она нужна дому, - ответила я. - Дому, не вам, лорд. Это разные вещи.

Он чуть сжал челюсть. Метка между нами дрожала, как натянутая струна, и я впервые за три года не знала, на чьей она стороне. Я поставила банку на полку, вытерла пальцы о фартук и посмотрела ему прямо в глаза.

- Книга останется в кладовой, - сказала я. - Я пересчитаю листы сегодня ночью. Завтра утром я подам совету реестр и долговую книгу вместе. Если хотите, чтобы я это сделала иначе, напишите мне письменный приказ. С печатью.

Он молчал. Я слышала, как он дышит - ровно, тяжело, как человек, который привык решать когтями, а не словами, и сейчас впервые не может решить ни тем, ни другим. Потом он кивнул - коротко, почти себе - и ушел.

Я закрыла кладовую на оба замка, повесила ключ на гвоздь у двери и пошла к себе в кладовую при лечебнице. Там меня ждал Тимо с пустой миской и реестром, который он начал без меня. Первая его строка была кривая: мать-и-мачеха, ученик А. Я стерла ее и написала заново: мать-и-мачеха, вскрыто, проверено. За окном кто-то из стражи зажег факел, и свет упал на мой саквояж.

Метка впервые за день не болела. Она просто ждала.

Я спрятала записку под подкладку фартука, пока Тимо возился с чернильницей. Бумага была тонкая, с чужим запахом - роза и карамель, не Лисса, кто-то из ее свиты. Три строчки: совет решил залог подтвердить, метка остается на левом плече до отмены советом или добровольной сделки, госпожа Нерис вписана в реестр залогов под номером семь. Я проверила подкладку пальцем, разгладила складку и прижала к ткани. Если обыщут - фартук снимут вместе с рубашкой, но обыскивать меня будет только Вельт, а его руки я почувствую через метку раньше, чем он дойдет до пояса.

- Тимо, - сказала я. - Сбегай к Ольде, принеси чистую тряпку для бинтов. И глянь, не стоит ли кто у двери кладовой.

Он кивнул и исчез, шмыгнув носом. Я слышала, как его пятки простучали по каменному полу и замерли у поворота. Потом тишина. Потом далекий голос стражи: факелы менять через час. Я достала из саквояжа свой реестр, чистый, в кожаной обложке, который купила еще в лавке на Косой улице. Три года я вела записи для чужих больных, теперь буду вести для собственного долга.

Первая строка: залог рода Вельта, Нерис, метка левая, подтверждено советом, печать Торвена. Под строкой я поставила дату и время, когда услышала приговор. Под датой - кто присутствовал. Совет, Лисса в галерее, Вельт у окна, я у двери. Вельт не сел в кресло лорда, остался стоять, и от этого мне стало хуже, а не лучше: когда он стоит, он готов уйти, когда садится - решает.

Внизу страницы я оставила место для завтрашней записи и перевернула лист. На обороте начала считать, сколько мешков осталось в кладовой после списания. Девятнадцать целых, один с дыркой, в котором когда-то была кора дуба. По реестру Торвена - сорок два. Разница двадцать три мешка за три года. Если каждый мешок стоил хотя бы серебряную монету, лечебница потеряла двадцать три серебряных. Я записала цифру и обвела ее дважды.

Метка дрогнула. Не сильно - как будто кто-то в другом конце коридора остановился и прислушался. Я замерла, положив перо. Шаги. Медленные, тяжелые, с тем особым скрипом правого сапога, который я узнала бы и через десять лет. Он остановился у двери моей кладовой и не постучал.

Я перевела взгляд на лист. - Нерис, - сказал Вельт. Голос был ровный, без приказа, без злости, и от этого внутри у меня что-то сжалось сильнее, чем от любого крика. - Ты здесь?

- Я здесь, - ответила я, не вставая. - Дверь открыта.

Он вошел, и кладовая сразу стала меньше. Он заполнил собой не столько место, сколько воздух - стало трудно дышать, и я поняла, что метка тянет меня к нему физически, не по желанию, а по крови. Он посмотрел на реестр, на перо в моей руке, на чернильное пятно у меня на пальце, и ничего не сказал.

- Совет записал тебя в реестр залогов, - проговорил он наконец. - Я не успел это остановить.

- Вы и не пытались, лорд.

- Я не мог пытаться при Лиссе, - ответил он. - Она смотрела.

- Лисса смотрит всегда, - сказала я. - Это не новость. Вы сели бы в кресло лорда, совет проголосовал бы иначе.

Он отвел глаза. Я впервые видела, как Вельт Серое Крыло отводит глаза от кого-то, кроме Торвена. Потом он посмотрел снова - и я поймала в его взгляде то, чего не хотела видеть. Виноватую усталость. Не раскаяние, нет, до раскаяния этому дракону было еще далеко, но усталость от собственной лжи.

- Я подам апелляцию завтра, - сказал он. - Совет соберется после обеда. Устав позволяет лорду оспорить залог в течение суток, если есть основание.

- Какое основание? - спросила я.

- Метка была активирована с нарушением, - ответил он. - Род Иллар прислал извещение о залоге без копии долговой расписки твоего брата. По уставу это основание для отсрочки.

Я молчала. Метка между нами гудела тихо, ровно, как шмель в траве. Если он подаст апелляцию, совет снова будет решать мою судьбу, и снова при Лиссе, и снова при Торвене. Если не подаст, залог останется, и завтра утром я буду вписана в каждую бухгалтерскую книгу замка как имущество. Я смотрела на него и понимала, что не знаю, чего хочу больше - чтобы он спас меня или чтобы перестал притворяться, что может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.